
European Journal of Philosophical Research

Has been issued since 2014. ISSN 2408-9435
2015. Vol. (4). Is. 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Petrova Svetlana – Sochi State University, Sochi, Russian Federation (Editor in Chief)

Mamadaliyev Anvar – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Elizbarashvili Elizbar – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation

Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation

Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus

Zherebtsov Igor' – Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Syktyvkar, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal17.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing House *Researcher*

Passed for printing 20.06.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 304.

© European Journal of Philosophical Research, 2015

European Journal of Philosophical Research

2015

Is.

2

Издается с 2014 г. ISSN 2408-9435
2015. № 2 (4). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Петрова Светлана – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация (Главный редактор)

Мамадалиев Анвар – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Элизбарашвили Элизбар – Телавский государственный университет, Телави, Грузия

Федоров Александр – Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрог, Российская Федерация

Колесникова Марина – Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Мамедов Низами – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Жеребцов Игорь – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Сыктывкар, Российская Федерация

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal17.com/>

E-mail: sochi003@rambler.ru

Подписано в печать 20.06.15.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 304.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

2015

№ 2

C O N T E N T S

Articles and Statements

Philosophical and Methodological Principles of Inclusive Training Oleg E. Baksanskii, Olga G. Safonicheva	56
Godard about a Dilemma of the Person: to Live or to Tell Fedor I. Girenok	66
Axiomatic and Genetic-Construction Methods of Theoretical Cognition: Comparative Analysis Sergey A. Lebedev	72
Homo Matrix: to Audit the Problems of Culture Subjectivity of Information Society Dmitry E. Muza, Ekaterina B. Ilyanovich	83
Immanentizm in Art Natalya N. Rostova	90

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 4, Is. 2, pp. 56-65, 2015

DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.56

www.ejournal17.com

Articles and Statements

UDC 1

Philosophical and Methodological Principles of Inclusive Training

¹Oleg E. Baksanskii

²Olga G. Safonicheva

¹Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Doctor of Philosophy, Professor

E-mail: obucks@mail.ru

²First Sechenov Moscow State Medical University under Ministry of Health of the Russian

Federation, Russian Federation

MD, Professor

E-mail: safonicheva.o@mail.ru

Abstract

Now there is the increasing complication of educational tasks as educational process is entered by all children without exception and even what were considered as "not trainees" earlier.

Therefore studying of mechanisms of violation of intellectual development of the children who are trained at boarding schools and also development of additional medical, psychological and pedagogical methods for assistance to these children in restoration of mental and physical health, increase of productivity of training, definition of their further social route and adaptation to modern society is actual medical-psychological-social problem.

Poor progress – the difficult and many-sided phenomenon of school reality which is shown discrepancy of training of pupils to obligatory requirements of school in assimilation of knowledge, developments of skills, formations of experience of creative activity and good breeding of the informative relations.

Keyword: inclusive education, philosophy of education, cognitive psychology, correctional pedagogic, education psychology, intelligence, psychology and pedagogical approach.

Неуспеваемость – сложное и многогранное явление школьной действительности, проявляющееся несоответствием подготовки учащихся обязательным требованиям школы в усвоении знаний, развития умений и навыков, формирования опыта творческой деятельности и воспитанности познавательных отношений [1, с. 10-16]. Это явление требует системного изучения, однако, по данным Института коррекционной педагогики Российской академии образования, примерно 80 % случаев систематической школьной неуспеваемости обусловлены различными состояниями интеллектуальной недостаточности, включая задержку психического развития. Уровня школьной зрелости в 6-летнем возрасте достигают менее 50 % детей, а недоразвитие познавательных способностей отмечается у каждого 10-го ребенка школьного возраста [2, 3].

При поступлении в школу у ребенка часто возникают «информационный стресс», «мышечный стресс», различные отклонения, связанные с недостаточной психологической готовностью его к систематическим занятиям. Многие дети демонстрируют быструю истощаемость внимания, не могут спокойно сидеть в течение урока и сосредоточиваться на выполнении предложенного задания и объясняемом учителем материале. На первых порах все это может напоминать картину умственной недостаточности, слабой сообразительности, сниженной памяти. В том случае, если к ребенку предъявляются чрезмерно повышенные требования, могут происходить «срывы» нервной деятельности и развитие неврозов [6, 7].

С другой стороны, за последние десятилетия проблема задержки психического и интеллектуального развития занимает центральное место среди важнейших вопросов общей и специальной педагогики, психологии, детской психиатрии и невропатологии. Госкомстат России отмечает рост заболеваемости по всем группам нервно-психических расстройств: с 269,2 на 100 тысяч населения в 1989 году до 346,9 – в 1999 году. При этом у 11,3 % заболевших в 1999 году детей наблюдалась умственная отсталость.

По данным В.Г. Косенко (2005), количество психически больных подростков за 1995–2005 гг. увеличилось на 10,2%; почти в 2 раза возросло число детей с нарушением интеллектуального развития, умственной отсталостью, стойким снижением познавательной деятельности, обучающихся в специальных коррекционных школах-интернатах (СКОШИ).

Трудности в обучении и нарушение усвоения школьной программы для детей СКОШИ связано не только со снижением памяти и отставанием интеллектуального развития, но и с неадекватными эмоционально-поведенческими реакциями, а также физическим нездоровьем [6, 7]. Учреждение интернатного типа предполагает обязательное проживание воспитанников в течение учебной недели, поэтому формирование контингента обучающихся происходит из семей, нуждающихся в социальной поддержке. Большинство детей поступает в школу в возрасте 8–9 лет без углубленных инструментальных обследований, медицинского и психологического сопровождения. Контакт с родителями ограничен, сведения о протекании беременности и раннем индивидуальном развитии ребенка практически отсутствуют. В таких интернатах проблемы здоровья, психолого-педагогической адаптации и последующей социализации воспитанников решает медико-психолого-педагогический коллектив [10, 11].

Инклюзивное образование только недавно получило в России нормативные основания и лишь сейчас становится практикой, получающей широкое применение. Особенно актуальной является разработка методических рекомендаций по включению детей с ограниченными возможностями здоровья в программы дополнительного образования, в связи со значительным включающим потенциалом последнего.

Одним из приоритетных направлений политики Российской Федерации становится развитие дополнительного образования детей*. Вместе с тем получает дальнейшее развитие политика обеспечения доступности образования для лиц с инвалидностью и с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), что отражено и в ратификации в 2012 г. Российской Федерацией Конвенции ООН по правам инвалидов (2006 г.). Также и одной из основных задач государственной программы города Москвы на среднесрочный период (2012–2016 гг.) «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)» является обеспечение доступности дошкольного, общего и дополнительного образования независимо от территории проживания и состояния здоровья. В рамках выполнения подпрограммы «Общее образование» предусмотрена реализация вариативных моделей дополнительного образования детей, обеспечивающих доступность качественных услуг в каждом районе города Москвы, обновление содержания дополнительного образования детей в соответствии с потребностями населения и задачами развития города Москвы, в т.ч. через расширение спектра услуг дополнительного образования, предоставляемых общеобразовательными учреждениями. Эти политические решения и опирающиеся на них программы развития образования отражают осознание необходимости решения проблемы создания для детей с ОВЗ, имеющих особые образовательные потребности, включающей (инклюзивной) образовательной среды.

В настоящее время преобладающей из описанных выше является модель интеграции, опирающаяся на концепцию нормализации. В европейской реформе образования получает

* Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».

развитие модель инклюзии, опирающаяся на идеологию социального конструктивизма, однако и здесь практическая ее реализация наталкивается на трудности. Анализируемые ниже результаты в значительной мере опираются на экспериментальные данные, представленные в обзоре под редакцией А.Ю. Шеманова*.

В современной литературе, посвященной образованию лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), термин инклюзия стал вытеснять ранее употреблявшееся понятие интеграции и в ряде случаев в определенной мере противопоставляться ему, претендуя на более точное выражение изменившегося понимания реализации прав людей с инвалидностью (и ОВЗ в целом).

Существуют различные интерпретации содержания этих понятий. Э.И. Леонгард с соавторами [4] следующим образом описывает их соотношение: «Концепция интеграции предполагала, что ребёнок должен быть подготовлен к принятию его дошкольным учреждением, школой и обществом. Однако в настоящее время за рубежом реализуется модель, в соответствии с которой человек не обязан быть «готовым» для того, чтобы обучаться в детском саду или в школе. Большое внимание уделяется адаптации среды к его возможностям, развитию способностей, которые могут быть востребованы там, где он живёт, учится и работает. Новый взгляд не только на образование, но и на место человека в обществе в большей степени отражает термин «включение» – инклюзия». В цитированном отрывке обращает на себя внимание, что различие между понятиями видится в степени внимания, которое уделяется адаптации школьной и вообще образовательной среды к нуждам учащихся.

Аналогичным образом рассматривает проблему инклюзии норвежский специалист Г. Иттерстад [5]. Она полагает, что принцип инклюзии продолжает школьную реформу 1970-х гг., которая была направлена на обеспечение интеграции детей с инвалидностью в «нормальные» классы школ по месту жительства. Проблему, возникавшую при проведении данной реформы, она видит в том, что интеграция рассматривалась как задача индивида или группы лиц с особыми образовательными потребностями, которые и должны были приспособиться к условиям массовой школы. Тогда как инклюзия направлена на изменение условий обучения в школах так, чтобы сами эти условия были приспособлены к нуждам всех категорий учащихся. Отсюда возникает понятие «приспособленного обучения», которое означает приспособление школы к ученику, а не наоборот и призвано навести мосты между подходами специальной педагогики и массовой школой.

Рассматривая понятие интеграции в контексте истории педагогики – возникновения и развития практики совместного обучения, зародившейся еще в XIX в. на основе идей И.Г. Песталотци, в зарубежной литературе принято различать содержание понятий интеграции и инклюзии. При этом в образовании остается господствующим усредняющее отношение к ученикам, в чем усматривается определенное противоречие между требованием инклюзии, предполагающей принятие особенностей всех учеников, в том числе и учащихся с умственной отсталостью, и сохраняющейся ориентацией школы на достижение высоких академических результатов. В этом пункте отчетливо видно несовпадение содержания понятий интеграции и инклюзии. Образовательная инклюзия определяется как *принятие* разнообразия учащихся в общих группах и *ответственность* за это разнообразие. Для концепции интеграции характерно другое отношение к особенностям учеников, о чем говорится, в частности, в уже цитированной работе Э.И. Леонгард с соавторами: «Интеграция рассматривалась как процесс ассимиляции, требующий от человека принимать нормы, характерные для доминирующей культуры, и следовать им в своём поведении» [5].

Инклюзия как практика образования характеризуется неоднозначностью: с одной стороны, утверждается, что чем выше качество образования в целом, тем меньше потребность в особых критериях при обучении ученика с ОВЗ [5, с.43], а с другой, сохраняется ориентация на высокие академические показатели [5, с. 44]. В первом случае понятие качества можно рассмотреть в двух несовпадающих перспективах: с одной стороны, как качество системы, обеспечивающей принятие различий учащихся, а с другой – как качество системы, обеспечивающей высокую успеваемость по стандартной программе для всех учащихся.

* Включение детей с ограниченными возможностями здоровья в программы дополнительного образования/ Методические рекомендации под ред. А.Ю. Шеманова. Серия «Инклюзивное образование», Москва, 2012.

Потребность в особых критериях при обучении каждой группы учащихся с особыми нуждами отпадает в двух случаях: если главной целью образования перестает быть освоение общей учебной программы, либо если совершенство методов обучения позволяет преодолеть все порождаемые особенностями учащихся препятствия на пути освоения учебной программы. Очевидно, что в настоящее время возможность практического решения второй задачи не только не найдена, но и представляется многим практикам образования сомнительной. Идея инклюзии родилась в рамках масштабных изменений в понимании прав человека, его достоинства, идентичности, а также механизмов социальных и культурных процессов, определяющих его статус и влияющих на обеспечение его прав. Перемена в отношении к людям с инвалидностью стала лишь одним из проявлений этих изменений.

Пересмотр концепции нормализации произошел одновременно с признанием в качестве нормальной ситуации множественности культур. Неслучайно, введение понятия инклюзивного образования Саламанкской Декларацией лиц с особыми потребностями (1994 г.) и принятие Декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.) близки по времени своего появления: оба эти документа выражают не просто признание неоднородности общества и его культуры, но и изменение отношения в обществе к этому разнообразию – осознание его ценности, осознание ценности различий между людьми. Одновременно практика производства в культуре образа Другого и стигматизации на основании отличий стала предметом тщательного исследования. Идеология инклюзии (включающего общества), с одной стороны, сформировалась в результате осознания ценности человеческого многообразия и отличий между людьми. Однако, с другой стороны, на содержание понятия инклюзии оказал существенное влияние использованный при его формулировке категориальный аппарат, который его сторонниками был назван «социальной моделью» инклюзии в отличие от прежнего подхода, обозначенного ими как «индивидуальная модель». Политика инклюзии декларирует необходимость изменения общества и его институтов таким образом, чтобы они благоприятствовали включению любого другого (человека другой расы, вероисповедания, культуры, людей с ОВЗ). Причем предполагается такое изменение институтов, чтобы это включение содействовало интересам всех членов общества, росту их способности к самостоятельной жизни (включая лиц с ОВЗ), обеспечению равенства их прав и т.п. Как уже говорилось, интеграция как политика сформировалась на основе иного подхода – концепции «нормализации». Хотя политика инклюзии получила распространение как результат осознания недопустимости нарушения прав людей на основе их особенностей (к числу которых относится с этой позиции и инвалидность), у нее есть противники, которые также аргументируют свои взгляды стремлением защитить людей с инвалидностью от дискриминации и стигматизации. При этом, однако, те, кто одобряют политику полного включения упускают из виду ценность культуры инвалидов, которая создается, когда у людей с ограничениями жизнедеятельности есть возможность общаться и учиться рядом с другими людьми, которые разделяют подобные жизненные ситуации. В среде детей, не имеющих инвалидности, ребенок с нарушениями будет всегда чувствовать себя стигматизированным и одиноким, вне сообщества себе подобных. Кроме того, как полагает автор, движение в направлении полного включения может ослабить способность людей с инвалидностью как социальной группы эффективно защищать себя, поскольку, как показывает история движения за права инвалидов, существенные завоевания в области защиты этих прав происходили, когда у людей с ОВЗ была возможность объединиться против общей несправедливости.

В этом сложном дискуссионном контексте, чтобы в полной мере понять аргументы сторонников различных позиций, необходимо познакомиться с концептуальными основаниями их рассуждений. Социальная (социокультурная) модель, лежащая в основе обоснования политики инклюзии, базируется на методологии *социального конструктивизма*; она направлена на критику распространенных и в языке специалистов, и в повседневной речи парных понятий, которые при определенных условиях способны породить социальное разделение и дискриминацию (к таким парным понятиям относят следующие распространенные противопоставления: «способность/неспособность», «норма/отклонение» и др.). Этот подход к проблеме инвалидности использует результаты исследований по социальной и культурной антропологии, в которых изучается социальное конструирование культурных образов инвалидности. В них изучаются также иные формы представлений о Другом в культуре [12, 13, 14], возникающие на основе гендерных, расовых и др. отличий, а также анализируется их

функционирование как средств стигматизации и дискриминации какой-либо социальной группы. Лозунгом этого подхода является создание инклюзивного общества, предоставляющего место для всех других во всем различии их смысловых миров, культурных норм и ценностей. Культурные исследования (cultural studies) понимаются как социальный институт рефлексии современного общества, служащий целям его изменения. У истоков данного направления лежат такие концепции, которые ориентированы на социальную критику и предполагают возможность активного влияния общества на политику государства посредством мобилизации общественного мнения. С этим связана и сознательная политическая ангажированность и социально- и культурно-критическая направленность этих концепций.

Суть социально-конструктивистского подхода состоит в том, что понятия «ограниченные возможности здоровья», «инвалидность-неспособность» (disability), «норма» рассматриваются как результат «социального конструирования реальности»*, т.е. в качестве социального конструкта, который может использоваться в целях подавления (в том числе экономического) тех лиц и групп общества, к которым он применяется. В основе данного подхода «исследований неспособности» (disability studies), применяемого в этих работах в целях анализа проблемы инвалидности, лежат несколько теоретических моделей.

Прежде всего следует отметить, что данное направление в англоязычной литературе по критике языка (дискурса), на котором описывается явление инвалидности, примыкает к различным разновидностям имеющих социально-критическую направленность культурных исследований (cultural studies), использующих ряд понятий марксистской социологии (идеология правящего класса, гегемония, неравенство в распределении средств производства и др.). При этом понятия «болезнь» и «инвалидность-неспособность» в их социальном измерении рассматриваются в качестве понятий, значения которых произведены системой капиталистической конкуренции: они выражают подчинение медицины и образования законам рынка. Среди важных источников социальной и культурной критики современных представлений об «инвалидности» следует назвать французского философа и историка Мишеля Фуко и его концепцию власти. Согласно этой концепции, власть реализует себя не путем прямого насилия, а косвенно, через «дискурс», т.е. через используемые в обществе понятия и способы их употребления, стиль, риторику, идеологию и т.д. Эти понятия и способы их употребления незаметно для использующих их людей задают их отношение к различным группам или индивидам, определяемым как другие, как те, чей образ отличается от нормативного. При этом такие понятия и способы их употребления становятся средством осуществления контроля и власти над людьми, а также инструментом самоконтроля индивида, направленного на обеспечение соответствия его поведения внешнему, навязанному ему образцу, когда он сам становится инструментом контроля над ним со стороны других.

Еще одним теоретическим основанием данного направления в понимании проблемы инвалидности являются работы французского социолога Пьера Бурдьё, прежде всего его понятия габитуса, поля социального действия, а также культурного и символического капитала [28]. Понятие габитуса как привычных, воспринимаемых в качестве «естественных» способов социального взаимодействия, символик, способов мышления, так же как понятие дискурса М.Фуко, объясняет некритическое принятие усваиваемых в процессе вхождения в культуру представлений и образа мысли. Символы, обычаи и социальные ритуалы культуры, принимаемой теми или иными группами, могут и предзадавать их социальную и экономическую позицию в поле социального действия, и использоваться ими для ее изменения и тем самым выступать в роли капитала, который Бурдьё называет символическим или культурным [7]. Социальная модель задает ракурс определения понятий «нарушение» (impairment) и «инвалидность» (disability). Согласно данному подходу, индивиды имеют нарушение, если они переживают физиологическое или поведенческое состояние (процесс), которое *социально идентифицируется* как *болезненное* расстройство или как иная особенность, которая оценивается обществом *негативно*. Констатация же инвалидности означает, что человек испытывает дискриминацию, т.е. социальные ограничения, на основе переживаемых им функциональных ограничений [8, с.101]. Таким образом, в контексте

* Эта концепция была разработана в работе П.Бергера и Т. Лукмана [1] в 1960-е гг. в русле социологии знания, синтезировавшей главным образом подходы феноменологической социологии повседневности А. Шютца и символического интеракционизма Дж. Г. Мида.

социальной модели понятие «нарушения» отличается от понятия «неспособности/инвалидности» тем, что если первое характеризует негативно оцениваемые обществом физические или психические особенности, присущие индивиду, то второе ставит человека с нарушениями в ситуацию, в которой эти нарушения служат основанием для его дискриминации и стигматизации. В результате индивид и/или группа лишается возможности иметь социальные достижения, поскольку сам принцип достижения понимается как неразрывно связанный с конкуренцией на рынке труда. Оба понятия, таким образом, выступают как социальные конструкции, построенные в соответствии с господствующим в культуре определенного общества дискурсом. Подчинение медицины и образования законам рынка (их маркетизация) приводит к тому, что такой дискурс и применяемые в его рамках понятия способности/неспособности, нормы/отклонения, успеха/неудачи и др., выражая законы рыночной конкуренции, становится дискриминирующим в отношении людей с ОВЗ. Основываясь на этой логике, теоретики социальной модели полагают, что приписывание дискриминирующего понятия «инвалидность-неспособность» тому или иному индивиду следует оценивать как «дизэблизм» по аналогии с другими видами социальной дискриминации на основании различий – такими как расизм, сексизм и др. [11]

В рамках критики дискурса «неспособности» все понятия, используемые для описания неспособности, родительско-детских отношений, особых образовательных потребностей ребенка (аутизм, детский церебральный паралич, синдром Дауна, патологическая привязанность, гиперопека и пр.), также рассматриваются как проявление «дизэблизма». Дискриминация здесь видится в том, что родители таких детей вынуждены использовать эти понятия при описании своих детей и отношений с ними в процессе получения необходимых для этих детей средств ухода, передвижения, терапии, образовательной поддержки и пр. Этот дискурс, по мысли критиков, ставит экономическую, социальную, образовательную поддержку в зависимость от необходимости описывать своих близких, имеющих нарушения, в отчужденных терминах, чувствовать унижение от бюрократического контроля над своей жизнью, становиться жертвами произвола и субъективизма социальных работников, что рассматривается как социальные и экономические следствия дискурса «неспособности». Критики социально-конструктивистского подхода настаивают, что медицинские и/или психологические описания людей с нарушениями и их отношений с близкими сами по себе не являются следствием дизэблизма специалистов. Они отражают реальные проблемы и нужды этих людей и их семей, которым без их обозначения невозможно оказывать конкретную помощь. При этом совсем не во всех случаях включение детей с нарушениями в общеобразовательный процесс является лучшим и даже приемлемым способом помощи этим детям. Инклюзия детей с некоторыми нарушениями в систему общего образования ведет к пренебрежению реальными возможностями и способностями целых групп людей, особенно с нарушениями зрения и слуха, а также с интеллектуальной недостаточностью. Это в действительности не только не способствует их включению в образовательное пространство и в социум в целом, но и нарушает их законодательно закрепленное право на образование, которое они могли реализовать в системе специального образования.

Сама социальная модель может использоваться как позиция критики инклюзии. Инклюзивное образование само является продуктом идеологии, основанной на парных понятиях, таких как «нормальные» и «инвалиды», или «способные» и «неспособные», что противоречит идее инклюзии и искажает задачу создания включающей общности. Автор рассматривает концепцию инклюзивного образования как порождение концепции «эгалитаризма», т.е. идеи, в основе которой лежит понятие равенства, интерпретируемое как предоставление равных стартовых возможностей для разных людей. Условием признания всех телесно укорененных различий людей является полный отказ от понятий, основанных на бинарных оппозициях культуры и используемых как средство дискриминации. Это такие бинарные (парные) понятия, как правильное/неправильное, способный/неспособный, и даже термины инклюзия/эксклюзия (включение/исключение) [13, с. 2]. Подобный способ мышления посредством оппозиций и опирающейся на них системы оценки достижений с помощью количественных тестов не только ограничивает возможности для поиска разнообразных практических способов недискриминирующего признания различий, но и закрывает путь развитию самого интеллекта, поскольку его достижения также с трудом поддаются количественному измерению [13, с. 3]. Отправным пунктом социально-

конструктивистского подхода, обсуждавшегося выше, является констатация культурного различия как условия дальнейшего взаимодействия. Важно отметить, что на этой основе может ставиться задача создания условий социального взаимодействия и общности *исходя из имеющихся культурных различий*.

Одной из ключевых тем дискуссии между социально-конструктивистским подходом к проблеме инвалидности и интегративным подходом, ориентированным на нормализацию условий обучения, является вопрос об основаниях разделения на норму и патологию, способность и неспособность. Если социально-конструктивистский подход настаивает на значении дискурса об инвалидности для конструирования социальных ограничений людей с ОВЗ, то их противники подчеркивают преимущественную значимость нарушений психофизического развития для становления социокультурного статуса человека с ОВЗ. В первом случае в качестве главной задачи при создании включающей образовательной среды рассматривается борьба с господствующим дискурсом, который порождает стигматизацию человека с ОВЗ. Во втором речь идет о максимально возможной коррекции нарушений и помощи людям с нарушениями в адаптации к требованиям системы образования. Культурно-историческая концепция, основоположником которой является Л.С. Выготский, наметила продуктивный выход из противопоставления природного и социального начала в онтогенезе человека. Дальнейшее развитие эта идея получила в попытках понять становление субъектности, развитие символической деятельности и рефлексивности индивида в процессе взаимодействия в интегративном творческом коллективе, в котором происходит освоение культурных форм, выработка общего языка коммуникации, возникают навыки культурного выражения своих телесно-психических особенностей при решении творческих задач. В настоящее время данное направление начинает оформляться в качестве **культурологического подхода** к проблемам педагогической коррекции и инклюзии детей с ОВЗ. На пути прослеживания культурно-исторического формирования символических форм и культурного выражения в процессе коммуникации телесно-психических особенностей становится возможным использование истории культуры и разнообразия культурных форм как ресурса для социокультурной реабилитации людей с ОВЗ. Имеющийся в России опыт реализации интегративных программ в системе дополнительного образования свидетельствует, что обращение к культуре как ресурсу для формирования субъектности, рефлексивности и общего символического кода участников интегративного коллектива создает основу для решения одной из ключевых проблем, возникающих в ситуации совместной творческой деятельности людей с различными возможностями, а именно – задачи создания их социокультурной общности в процессе совместной социокультурной деятельности.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что сохранение физического, психического здоровья и интеллектуального потенциала детей и подростков является одной из приоритетных задач государственной политики современного общества, так как определяет здоровье и развитие нации в будущем. При наличии тенденции к снижению рождаемости, росту социальной напряженности и усложнению образовательных стандартов – эта проблема приобретает особую актуальность.

Особые сложности испытывают дети из социально неблагополучных, неполных и многодетных семей, которые обучаются и проживают в таких интернатах в отрыве от семьи и привычных общественных контактов, где школа решает проблемы здоровья, психолого-педагогической адаптации и последующей социализации воспитанников.

Этиология и патогенез нарушений познавательных функций в настоящее время мало изучены, практически не разработаны дифференциально-диагностические критерии между педагогической запущенностью, задержкой психического развития и диагнозом олигофрения, особенно его легкой степенью – дебильностью. Существует множество теорий воздействия различных патологических факторов, приводящих к гипоксии клеток центральной нервной системы, определяющих перинатальный, инфекционный, токсический, генетический, обменный нейробиологический генез возникновения данных нарушений. Современное общество требует междисциплинарного подхода к изучению причин и механизмов развития интеллектуальной недостаточности, приводящей к систематической школьной неуспеваемости.

В настоящее время происходит все большее усложнение образовательных задач, т.к. в образовательный процесс вступают все дети без исключения и даже те, которые раньше считались «необучаемыми».

Назрела необходимость проведения пилотных научных исследований для выявления возможностей преодоления недостатков психического и умственного развития хотя бы у части детей, а также разработки критериев культуры безопасного поведения в социуме выпускников интернатов. Поэтому изучение механизмов нарушения интеллектуального развития детей, обучающихся в школах-интернатах, а также разработка дополнительных медицинских, психологических и педагогических методов для оказания помощи этим детям в восстановлении психического и физического здоровья, повышения результативности обучения, определения их дальнейшего социального маршрута и адаптации к современному обществу является актуальной медико-психолого-социальной проблемой.

Примечания:

1. Дубровина И.В. Практическая психология образования. М. 1997. С.10-12.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
3. Грозная Н.С. Инклюзивное образование за рубежом. От мечты к реальности. //Синдром Дауна XXI век. 2011, №1. С. 34-41.
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. 224 с.
5. Иттерстад Г. Инклюзия – что означает это понятие и с какими проблемами сталкивается норвежская школа, претворяя его в жизнь? //Психологическая наука и образование, 2011, №3. С. 41-49.
6. Леонгард Э.И., Краснова Н.А., Пирожник Н.Т., Прудникова М.С. Инклюзивное образование в различных условиях интеграции //Инклюзивное образование. Выпуск 1. М., 2010. С. 139-148.
7. Назарова Н.М. Интегрированное (инклюзивное) образование: генезис и проблемы внедрения [Электронный ресурс] // Материалы Интернет-конференции «Современные дети: какие они?» (ГОУ ВПО МГПУ, 15 декабря 2009 года – 25 января 2010 года). – URL: <http://www.mgpu.ru/article.php?article=129> (дата обращения – 20.08.2012).
8. Шеманов А.Ю. Другой как ценность в современной культуре. // Протеатр. Феномен «особого искусства» и современная культура (с приложением реестра «особых театров»). – М., 2008. – С. 163-167.
9. Anastasiou D. & Kauffmann J.M. A Social Constructionist Approach to Disability: Implications for Special Education. // Exceptional Children. 2011. V. 77. № 3. P. 367-384.
10. Goodley D., RunswickCole K. Len Barton, inclusion and critical disability studies: theorising disabled childhoods. // International Studies in Sociology of Education. 2010. V. 20, № 4. P. 273–290.
11. Hall J. P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? // Journal of Disability Policy Studies. Winter 2002. V. 13. № 3. P. 144-152.
12. Hickey-Moody A. «Turning away» from Intellectual Disability: Methods of Practice, Methods of Thought //Critical Studies in Education. 2003. V. 44. №1. May, P. 1-22.
13. Hodkinson A., Devarakonda Ch. Conception of inclusion and inclusive education. A critical examination of the perspectives and practices of teachers in India //Research in Education. № 82. P. 85-99
14. Unianu E.M. Teachers' attitudes towards inclusive education //Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. V. 33. P. 900-904.
15. Включение детей с ограниченными возможностями здоровья в программы дополнительного образования/ Методические рекомендации под ред. А.Ю. Шеманова. Серия «Инклюзивное образование», Москва, 2012.
16. Сафоничева М.А., Сафоничева О.Г., Миненко И.А., Коекина О.И. Неврологические и нейрофизиологические исследования детей с нарушением интеллектуального развития// Вестник новых медицинских технологий. 2011. Т. 18. № 3. с. 238-241.
17. Сафоничева М.А., Наливайко Г.А., Сафоничева О.Г., Миненко И.А., Кобзарь Ю.В. Новые диагностические технологии и методы нелекарственной реабилитации детей с нарушением интеллектуального развития// Вестник восстановительной медицины. 2011. № 3. С. 42-46.

18. Сафоничева М.А. Новые восстановительные технологии в комплексной реабилитации детей с задержкой интеллектуального развития // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Всероссийский научно-исследовательский и испытательный институт медицинской техники Министерства здравоохранения Российской Федерации. Москва, 2011.

19. Баксанский О.Е. Методологические основания модернизации современного образования // *Философия и культура*. 2012. № 9. С. 105-111.

20. Баксанский О.Е. Конвергентный подход к философии образования // *Педагогика и просвещение*. 2012. № 1. С. 10-15.

21. Баксанский О.Е. Философия, образование и философия образования // *Педагогика и просвещение*. 2012. № 2. С. 6-19.

22. Баксанский О.Е. Когнитивные науки. От познания к действию // Москва, 2005, 246 с.

23. Баксанский О.Е., Чистова М.В. Проблемное обучение: обоснование и реализация // *Наука и школа*. 2000. № 1, с. 19-26.

References:

1. Dubrovina I.V. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya*. M. 1997. S. 10-12.

2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. M., 1995. 323 s.

3. Groznaya N.S. *Inklyuzivnoye obrazovaniye za rubezhom. Ot mechty k real'nosti. // Sindrom Dauna XXI vek*. 2011, №1. S. 34-41.

4. Ivanov D.V. *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0*. SPb., 2002. 224 s.

5. Itterstad G. *Inklyuziya – chto oznachaet eto ponyatie i s kakimi problemami stalkivaetsya norvezhskaya shkola, pretvoryaya ego v zhizn'?* // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye*, 2011, №3. S. 41-49.

6. Leongard E.I., Krasnova N.A., Pirozhnik N.T., Prudnikova M.S. *Inklyuzivnoye obrazovaniye v razlichnykh usloviyakh integratsii* // *Inklyuzivnoye obrazovaniye*. Vypusk 1. M., 2010. S. 139-148.

7. Nazarova N.M. *Integrirovannoye (inklyuzivnoye) obrazovaniye: genezis i problemy vnedreniya [Elektronnyi resurs]* // *Materialy Internet-konferentsii «Sovremennyye deti: kakie oni?»* (GOU VPO MGPU, 15 dekabrya 2009 goda – 25 yanvary 2010 goda). – URL: <http://www.mgpu.ru/article.php?article=129> (data obrashcheniya – 20.08.2012).

8. Shemanov A.Yu. *Drugoy kak tsennost' v sovremennoy kul'ture*. // *Proteatr. Fenomen «osobogo iskusstva» i sovremennaya kul'tura (s prilozheniem reestra «osobykh teatrov»)*. – M., 2008. – S. 163-167.

9. Anastasiou D. & Kauffmann J.M. *A Social Constructionist Approach to Disability: Implications for Special Education*. // *Exceptional Children*. 2011. V. 77. № 3. P. 367-384.

10. Goodley D., RunswickCole K. *Len Barton, inclusion and critical disability studies: theorising disabled childhoods*. // *International Studies in Sociology of Education*. 2010. V. 20, № 4. P. 273–290.

11. Hall J. P. *Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled?* // *Journal of Disability Policy Studies*. Winter 2002. V. 13. № 3. P. 144-152.

12. Hickey-Moody A. *«Turning away» from Intellectual Disability: Methods of Practice, Methods of Thought* // *Critical Studies in Education*. 2003. V. 44. №1. May, P. 1-22.

13. Hodkinson A., Devarakonda Ch. *Conception of inclusion and inclusive education. A critical examination of the perspectives and practices of teachers in India* // *Research in Education*. № 82. P. 85-99

14. Unianu E.M. *Teachers' attitudes towards inclusive education* // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 2012. V.33. P. 900-904.

15. *Vklyucheniye detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v programmy dopolnitel'nogo obrazovaniya/ Metodicheskie rekomendatsii pod red. A.Yu. Shemanova. Seriya «Inklyuzivnoye obrazovaniye»*, Moskva, 2012.

16. Safonicheva M.A., Safonicheva O.G., Minenko I.A., Koekina O.I. *Nevrologicheskie i neirofiziologicheskie issledovaniya detei s narusheniem intellektual'nogo razvitiya* // *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii*. 2011. T. 18. № 3. s. 238-241.

17. Safonicheva M.A., Nalivaiko G.A., Safonicheva O.G., Minenko I.A., Kobzar' Yu.V. *Novye diagnosticheskie tekhnologii i metody nelekarstvennoi reabilitatsii detei s narusheniem intellektual'nogo razvitiya*// Vestnik vosstanovitel'noi meditsiny. 2011. № 3. S. 42-46.

18. Safonicheva M.A. *Novye vosstanovitel'nye tekhnologii v kompleksnoi reabilitatsii detei s zaderzhkoi intellektual'nogo razvitiya*// Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata meditsinskikh nauk/ Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii i ispytatel'nyi institut meditsinskoj tekhniki Ministerstva zdravookhraneniya Rossijskoj Federatsii. Moskva, 2011.

19. Baksanskii O.E. *Metodologicheskie osnovaniya modernizatsii sovremennogo obrazovaniya*// Filosofiya i kul'tura. 2012. № 9. S. 105-111.

20. Baksanskii O.E. *Konvergentnyi podkhod k filosofii obrazovaniya*// Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 1. S. 10-15.

21. Baksanskii O.E. *Filosofiya, obrazovanie i filosofiya obrazovaniya*// Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 2. S. 6-19.

22. Baksanskii O.E. *Kognitivnye nauki. Ot poznaniya k deistviyu*// Moskva, 2005, 246 s.

23. Baksanskii O.E., Chistova M.V. *Problemnoe obuchenie: obosnovanie i realizatsiya*// Nauka i shkola. 2000. № 1, s. 19-26.

УДК 1

Философско-методологические принципы инклюзивного образования

¹ Олег Евгеньевич Баксанский

² Ольга Георгиевна Сафоничева

¹ Институт философии РАН, Российская Федерация

Доктор философских наук, профессор

E-mail: obucks@mail.ru

² Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, Российская Федерация

доктор медицинских наук, профессор

E-mail: safonicheva.o@mail.ru

Аннотация. В настоящее время происходит все большее усложнение образовательных задач, так как в образовательный процесс вступают все дети без исключения и даже те, которые раньше считались «необучаемыми».

Назрела необходимость проведения пилотных научных исследований для выявления возможностей преодоления недостатков психического и умственного развития хотя бы у части детей, а также разработки критериев культуры безопасного поведения в социуме выпускников интернатов. Поэтому изучение механизмов нарушения интеллектуального развития детей, обучающихся в школах-интернатах, а также разработка дополнительных медицинских, психологических и педагогических методов для оказания помощи этим детям в восстановлении психического и физического здоровья, повышения результативности обучения, определения их дальнейшего социального маршрута и адаптации к современному обществу является актуальной медико-психолого-социальной проблемой.

Ключевые слова: инклюзивное образование, философия образования, когнитивная психология, коррекционная педагогика, психология образования, интеллект, психолого-педагогический подход.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 4, Is. 2, pp. 66-71, 2015

DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.66

www.ejournal17.com

UDC 7.01

Godard about a Dilemma of the Person: to Live or to Tell

Fedor I. Girenok

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Philosophical faculty
Doctor of Philosophy, professor
E-mail: girenok@list.ru

Abstract

In article Godard's movie "Farewell, the speech" is analyzed. The philosophy of the movie of Godard is constructed on opposition imagined and real. For Godard the reality is only an substantiated illusion, visibility. It is necessary to remove visible, he believes, but not real. Godard's movie fixes that in the modern world everything moved, displaced. In this world tell, but don't live. Godard shoots film not to tell stories and to release imagined from language. According to the author of article, it is impossible to tell, about what Godard's movie. In it one casual subject is replaced another. In Godard's movie there are three heroes – a dog, the man and the woman. The relations between the man and the woman in the modern world are that that it is difficult for them to understand each other without translator. The image of a dog conducts us in the kinizm, to return to the nature. Godard's movie leads the author to three conclusions. First, the European philosophy didn't understand that the person is not the nature, though it and a body, but it and not society though he also is able to speak. The person is a body for dreams. Therefore it can't return to the nature because the nature doesn't dream. Secondly, having got rid of the speech, we will find the fury of self-air of the person unacceptable collective sensuality. And the last, Godard is right when says that only people can be strangers each other because they are free.

Keywords: the cinema, representation, language, the person, a metaphor, internal experience, a kinizm, the speech, imagined, a sign

В 2014 году вышел на экраны фильм Годара «Прощай, речь». Этот фильм нельзя было не посмотреть, потому что Годар, как известно, любит философию больше, чем кино.

Рассмотрим фильм с точки зрения аутографии как метода описания связей образов и действительности, который исходит из аутистической сущности сознания человека.

Философия

У фильма «Прощай, речь» нет ни начала, ни конца. Он начинается пустым кадром и звучащим за кадром голосом, который утверждает, что те, кому недостает воображения, ищут для себя убежище в реальности. Человека, который хоть что-то понимает в философии, это утверждение не может не потрясти. И, по большому счету, Годар этим утверждением уже все сказал. Дело сделано, кино снято, хотя еще ничего не показано. Остается лишь узнать, как отсутствие мысли повлияет на мысль, то есть как зритель примет такое кино. Хотя, на мой взгляд, никакого другого кино не существует. «Прощай, речь» и

есть кино в чистом виде. А то, что обычно называют «кино», – это совсем не кино, а какой-то эрзац, выдуманный критиками язык кино. В «Прощай, речи» Годара нет языка, нет бинарной логики, но в нем есть мысль, и эта мысль заставляет зрителя видеть видимое, то есть не получать удовольствие от того, чтобы узнавать знакомое, не испытывать катарсис, а получать эстетическое наслаждение от фильма.

Поскольку мысль зримо отсутствует в современном мире и место мысли у публики занимает язык, постольку фильм Годара должен быть принят плохо. И особенно плохо он должен быть принят в России, потому что в России образованным людям философия кажется пустым занятием, языковой игрой. Вся философия сводится ими к набору штампов и ссылок на авторитеты. И хотя философию нам старательно прививают, но привиться к русскому уму она, видимо, никак не может, оставаясь уделом немногих, избранных случаев людей.

Радует то, что Годар, будучи режиссером, прекрасно понимает, что кино не имеет никакого отношения к реальности, к тому, что надо как-то показывать, изображать. Ибо никакой реальности вовсе нет, а есть воображаемое [1]. «Нельзя писать то, что видишь, – говорит Клод Моне, – ибо ты ничего не видишь. Нельзя написать то, что ты не видишь. Надо писать видимое». Годару нравится мысль Моне. «Надо снимать видимое», – полагает он. Реальность – это лишь объективированная иллюзия, видимость, побочный продукт существования воображаемого. Воображение – это не репродуктивное восприятие вещей, а способ, которым мы вызываем к жизни то, что уже знаем. «Прощай, речь» заканчивается вопросом, с которым Годар обращается к зрителям: узнайте, что вы хотите – «жить или рассказывать»? И напоминает о 19-летней Мэри Шелли. Мэри любила рассказывать и придумала, сидя у камина вместе с Байроном и Перси Шелли, историю о Франкенштейне, студенте, который создал из мертвых человеческих органов существо, подобное живому человеку. Это существо убило своего создателя. То, что в XIX веке было рассказом о жизни, в 21 становится жизнью.

Самоубийство

Все в современном мире сдвинулось, сместилось: по-русски камера означает тюрьма, табаком у русских называется то, что табаком не является, жизнь замещается рассказом о жизни. Если рассказывать, то значит не жить. Если жить, то не рассказывать. Если не рассказывать истории, то не будет никакой истории, а будет непрерывно длящееся настоящее и бесконечное множество его симптомов. «Жить без истории» – это значит утратить будущее и прошлое, не различать начало и конец, ибо и начало, и конец у Годара одинаково случайны и не зависят друг от друга. Время для режиссера – это человеческая субъективность, упорядоченная языком. Само по себе время вообще не существует.

Событийно «Прощай, речь» Годара начинается с выстрела, с неожиданного самоубийства, то есть с конца какой-то нам не рассказанной истории. Но Годар снимает кино не для того, чтобы рассказывать истории, а для того, чтобы освободить воображаемое от языка. Чтобы люди почувствовали беспомощность своей субъективности и научились смотреть. Финальная сцена фильма, как язык змеи, раздваивается на вариант А, который ведет героиню к смерти, и на вариант Б, который ведет ее к жизни, симптомом которой является крик родившегося ребенка.

Эстетика двусмысленности

В фильме Годара нет темы, которая бы получила развитие. Мы не можем сказать, о чем этот фильм. В нем одна случайно возникшая тема сменяется другой. Все двусмысленно, говорит Годар, но это обозначает лишь то, что к смыслу ведет жуткая бессмыслица, которую героям фильма еще нужно суметь преодолеть. Все смешалось в голове у образованного человека, который подобен студенту, сдающему экзамен: Солженицин, ГУЛАГ, Моне, 1793 год во Франции, террор, свобода, Гражданский Кодекс, Гитлер, государственный учет, русские, Европа, демократия, концепция Африки. Все это толпится у него в голове, мешает друг другу, образуя хаос.

В фильме Годара есть три героя – собака, мужчина и женщина.

Собака

У русских назвать кого-либо собакой – значит обидеть. Для Годара, как и для античных греков, собака является образцом верности, естественности и мудрости. Собаки хватило ума не отделяться от природы. Для нее мир – это не образ, а то, частью чего она является. Собака не изобретает язык, не изобретает знаки. Ей достаточно сигналов и признаков, ориентируясь на которые она определяет логику своего действия.

Годар хочет, как индеец, жить не в городе, а в лесу. Он хочет, как киник, строить свое поведение не в плане образа, а в плане инстинкта. Современный человек заблудился в словах. Он так далеко ушел от природы, что она пытается ему что-то сказать, а он ее не слышит. Годар устал от цивилизации и тоскует по естественному образу жизни. Годару уже дорог не Платон с его миром идей, ему дорога не христианская Европа и не Европа Нового времени, ему дорог киник Антисфен. Для киника, как для собаки, условности ничего не значат. Животное лишено одежды, но оно не является голым. У него нет языка, но оно не заблудилось среди вещей. Собака справляет нужду, но это не вызывает протест. Годар зовет Европу назад, к вещам, к природе. Он хочет смотреть на мир глазами животного, ибо этот взгляд не опосредован языком. «Мир – это не язык, а русские – это не Европа», – говорит Годар в фильме «Прощай, речь». Прощай Европа, – говорят русские, – ты никогда уже не будешь тем, чем ты была для нас. Ты не будешь нашей грезой, потому что твои мужчины готовы расстаться с женщинами. Но готовы ли они расстаться с комфортом цивилизации, освобождая антикультурный смысл пребывающей в забвении кинической философии? [2]

Мужчина и женщина

Сегодня еще многие думают, что в мире нет ничего, кроме мужчины и женщины и отношений между ними. Мужчина в фильме Годара работает в банке. Потеряв работу, он застрелился. Его жена – студентка, подрабатывающая на книжном развале, умывает руки. Туда ему и дорога. У студентки есть любовник, который однажды ударит ее ножом, чтобы преодолеть пропасть непонимания между ними. Люди запутались в словах. «Скоро каждому, – говорит Годар, – потребуется переводчик, чтобы понимать собственные слова». Героиня стоит перед выбором, родить ли ей ребенка или покончить жизнь самоубийством. Любовник хочет стать мужем и склоняет ее к ребенку. Он, как ницшеанец, говорит «да» жизни. Героиня говорит «нет» жизни. В жизни тебя все время принимают не за тебя, а за кого-то другого. «Я сломлена», – говорит героиня фильма, – я ничего не хочу».

Сознание ослепляет человека и он видит не то, что он видит, а то, что он думает увидеть. Мужчина думает увидеть женщину и не может в ней увидеть человека, ибо полагает, что женщина – это всего лишь роль. И ничего больше роли. И поэтому он пытается убить ее, если она выходит за рамки своей роли. Женщина – это не роль, в которую ее пытаются втиснуть социум. Женщина – это греза мужчины. Исполнение роли – признак цивилизации, а не природы.

Зритель

Годару зритель не интересен. Вернее, Годар понимает, что зрителя больше нет, есть потребители иллюзий, которым нужно не кино, не искусство, а фильмы в формате 3D. «Вы хотите 3D? – говорит Годар своим фильмом «Прощай, речь», – пожалуйста, но никаких иллюзий». То, что зритель не умеет думать, стало ясно еще во времена немого кино, ибо думать можно лишь вопреки разуму. Но думать вопреки разуму могут только философы. А то, что зритель не умеет смотреть, стало ясно уже в эпоху звукового кино, ибо смотреть – значит визуализировать невидимое. Но расширять границы видимого не пытается теперь даже кинематограф. Кино в формате 3D вознамерилось компенсировать эти недостатки зрителей, предлагая им не думать, не расширять пределы видимого, а просто смотреть, вращая глазами, как животное.

Кинематограф

«Прощай, речь» сообщило нам о том, что время большого кино прошло. Кинематограф покинул область мысли, хотя и не остановился на изучении эстетической видимости. Заниматься монтажом кадра может сегодня даже робот. Время режиссеров интеллектуального кино закончилось. Как поставлена камера оператором, мало кого из

зрителей волнует. Теперь в кино доминирует не художник, а менеджер. Годар своим фильмом не развлекает зрителей. В нем нет повествования, нет вербальных подсказок для зрителя. Годар заставляет зрителя воображать и думать. Он переводит зрителя в подвешенное состояние, а в этом состоянии смотреть кино трудно, в нем не на что облокотиться, ибо в нем не работают привычные сцепления смыслов и значений.

Внутренний опыт

Внутренний опыт предполагает существование у человека внутреннего мира. Когда героиня фильма говорит: я могу знать, что думает другой, но не знаю, что думаю я, – она имеет в виду свой внутренний мир. У нее нет этого мира. Куда же он делся? Годар знает ответ на этот вопрос. Дело в том, что когда мы грезим, мы все имеем свой внутренний мир. И это хорошо. Плохо то, что мы не умеем отличать грезы от реальности. Поэтому лучше всего не грезить, а бодрствовать, ибо, бодрствуя, мы имеем общий для всех людей мир. И этот мир называется социумом. Вот он-то и репрессирует внутренний мир. И с ним лучше не вступать в конфликт. Уже во времена Канта Европа начала решительно расставаться с внутренним опытом, учреждая общий мир для всех, в котором важно сделанное человеком [3]. Тогда как герои Годара понимают, что для человека важно не то, что им сделано, а то, что им не сделано. Сделанным определяется общество, а не сделанным – человек. Творчество свободно от социума. Дело – нет, ибо думаем мы в одиночестве, а действуем социально. В начале фильма Годар вспоминает Зворыкина, придумавшего телевизор, и Гитлера, который сделал все, что говорил.

Метафора

Природе противостоит метафора. Метафора – это образ, который заполняет разрыв между человеком и природой. Образ в фильме Годара предстает как убийца настоящего. В природе нет образов, но в ней нет и знаков. Знак изначально появляется в речи человека. В результате между человеком и тем, о чем он говорит, встает посредник, язык, который то, что мы видим одновременно, раскладывает в последовательность слов и событий. Если мы, следуя за Годаром, простимся с речью, то будет ли это означать, что мы вернемся к природе, к самим себе? Не останемся ли мы навсегда в пространстве воображаемого? Не испытаем ли мы еще раз то, что чувствовал первобытный художник, соединяя воображаемое и реальное в искусстве.

Что такое человек?

Фильм Годара «Прощай, речь» – это кино, о том, *что* есть человек. Европейская философия, поставив вопрос о человеке, не смогла найти на него ответ. Не может найти этот ответ и Годар, полагая, что человек – это животное, комбинация естественных форм.

Человек начинается не со знака и не с языка, и, тем более, не с труда. Мы не потому люди, что мы говорим, а мы говорим, потому что мы люди. Человек начинает себя с грезы. Воображаемое – это его первая реальность. В каждом поступке человека есть воображаемое. Воображаемое – это сон, который мы должны были забыть, но не забыли. Сны существуют не потому, что мы о них рассказываем, а потому, что мы их переживаем [4].

Воображаемое вторгается в пределы реальности и изъязвляет ее. И поэтому человеку с самого начала приходится решать не задачу, связанную с охотой. Ему надо всякий раз заново решать одну и ту же задачу: что такое реальность? Что считать воображаемым, а что реальным? В конце концов, реальность оказывается практически оправданной частью воображаемого.

Реальное – это не то, что существует, ибо существует и воображаемое. Реальное отличается тем, что локализуется в пространстве, тогда как воображаемое локализуется во взгляде грезящего человека. Взгляд животного определен сцеплением тел и сил окружающего его мира. Взгляд человека – это не точка зрения, не мировоззрение, а субъективность, которая каждый момент готова расстаться с собой, чтобы учредить объективность. Субъективность – это существование, которое свидетельствует о себе не сцеплением тел и конфигурацией сил, а образами, запечатленными на материи окружающего мира.

Язык и речь

Речь – это непрерывно возобновляемая попытка человека придать смысл бессмысленному. Если бы смыслы предшествовали бессмыслице, то тогда речь была бы невозможна, ибо было бы невозможно соединение языка и воображаемого.

Всякая речь состоит из двух частей: из говорения и слушания. Говорение задается звуками, слушание – молчанием тишины. Речь – это звуки, которые приняты тишиной молчащего. Жест изначально соперничал со звуками, стараясь овладеть молчанием. В итоге он овладел не молчанием, а звуком. Речь без молчания слушающего – это гул. Молчание человека без вслушивания в говорящего является глухотой. Поэтому всякая речь пульсирует между гулом и глухотой. Вот эта пульсация заставляет заново поставить вопрос о границе речи и слова, чтобы дать возможность проявиться воображению в пластике тела и в рисунке.

Не в звуковой речи, а в молчании лежат корни слова. В речи освобождаются силы воображаемого и создается пространство для символического действия.

Попытка соединить воображаемое и реальное приводит к учреждению языка. Язык – это не то, что сегодня называют языком, не совокупность знаков и различий между ними. Язык – это антиязык, то есть письмо, которое предшествует речи. Ведь речь – это уже попытка соединить воображаемое и язык. Язык – это заместитель природы, соглядатай за субъективностью, это то, что на свободу аффекта отвечает произволом семантики. Язык умеряет неистовство грез. Социум умеряет неистовство языка. Язык и социум – такие враги одиночества субъективности, которые объективно помогают грезящему человеку сохранить себя в складках реальности, не будучи элементом самой этой реальности [5].

Фильм Годара «Прощай, речь» приводит нас к трем выводам. Во-первых, европейская философия не поняла, что человек – это не природа, хотя это и тело, но это и не социум, хотя он и умеет говорить. Человек – это тело для грез. Поэтому вернуться к природе он не может, ибо природа не грезит. Во-вторых, избавившись от речи, мы обнаружим неистовство самоаффектации человека, неприемлемое коллективной чувственностью. Язык, видимо, был придуман для того, чтобы управлять неистовством аффекта, заставляя человека говорить, то есть придавать смысл бессмысленному. И последнее, Годар прав, когда говорит, что только люди могут быть чужими друг другу, ибо они свободны.

Примечания:

1. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. 247 с.
2. Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы. Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради. М.: МГИУ, 2008. 140 с.
3. Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. М.: Академический проект, 2014. 248 с.
4. Гиренок Ф.И. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический Проект, 2012. 237 с.
5. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический проект, 2008. 235 с.

References:

1. Girenok F.I. Autografiya yazyka i soznaniya. M.: MGIU, 2010. 247 s.
2. Rostova N.N. Chelovek obratnoi perspektivy. Opyt filosofskogo osmysleniya fenomena yurodstva Khrista radi. M.: MGIU, 2008. 140 s.
3. Girenok F.I. Figury i skladki. M.: Akademicheskii proekt, 2014. 248 s.
4. Girenok F.I. Absurd i rech'. Antropologiya vobrazhaemogo. M.: Akademicheskii Proekt, 2012. 237 s.
5. Girenok F.I. Udovol'stvie myslit' inache. M.: Akademicheskii proekt, 2008. 235 s.

УДК 7.01

Годар о дилемме человека: жить или рассказывать

Федор Иванович Гиренок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
Философский факультет
доктор философских наук, профессор
E-mail: girenok@list.ru

Аннотация. В статье анализируется фильм Годара «Прощай, речь». Философия фильма Годара построена на противопоставлении воображаемого и реального. Для Годара реальность – это лишь объективированная иллюзия, видимость. Надо снимать видимое, полагает он, а не реальное. Фильм Годара фиксирует, что в современном мире все сдвинулось, сместилось. В этом мире рассказывают, а не живут. Годар снимает кино не для того, чтобы рассказывать истории, а для того, чтобы освободить воображаемое от языка. По мнению автора статьи, нельзя сказать, о чем фильм Годара. В нем одна случайная тема сменяется другой. В фильме Годара есть три героя – собака, мужчина и женщина. Отношения между мужчиной и женщиной в современном мире таковы, что им трудно понять друг друга без переводчика. Образ собаки ведет нас в киническое прошлое, к возврату к природе. Фильм Годара приводит автора к трем выводам. Во-первых, европейская философия не поняла, что человек – это не природа, хотя это и тело, но это и не социум, хотя он и умеет говорить. Человек – это тело для грез. Поэтому вернуться к природе он не может, ибо природа не грезит. Во-вторых, избавившись от речи, мы обнаружим неистовство самоаффектации человека, неприемлемое коллективной чувственностью. И последнее, Годар прав, когда говорит, что только люди могут быть чужими друг другу, ибо они свободны.

Ключевые слова: кино, репрезентация, язык, человек, метафора, внутренний опыт, кинизм, речь, воображаемое, знак.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 4, Is. 2, pp. 72-82, 2015

DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.72

www.ejournal17.com

UDC 1

Axiomatic and Genetic-Construction Methods of Theoretical Cognition: Comparative Analysis

Sergey A. Lebedev

Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation
5, 2-nd Baumanskaya, Moscow, 105005
Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: saleb@rambler.ru

Abstract

Not only in the various sciences, but in the same using there are different methods of constructing its theories. Partly this is due to the subject of science, but also the commitment of the scientist to a particular research tradition. For example, when building theories in mathematics and logic of using three different methods: the axiomatic method, the formalization and the method of mathematical induction. In the natural sciences in constructing theories are also different, but other than mathematics methods. This genetically-constructive method, mathematical hypothesis, thought experiment, method of principles, etc. In the socio-humanitarian sciences in constructing theories, use methods such as a method of rational reconstruction of the object (the unity of the logical and historical), mathematical modelling, the dialectical method. While there is no rigid connection of the different methods of constructing scientific theories from relevant areas of science (mathematics, natural science, humanities and social sciences, technical sciences). The same methods can be applied in different fields of science. For example, the method of mathematical modeling and thought experiment was originally used only when building physical theories (classical mechanics, molecular-kinetic theory of gases, the theory of relativity, etc.). Today these methods are successfully used in constructing theories in humanities and social sciences (psychology, economics, sociology, logic, linguistics, etc.). On the other hand, in the modern natural sciences in constructing theories increasingly used methods that were previously used in humanities and social sciences. It's such method as a method of rational reconstruction of developing objects, the method of ascent from the abstract knowledge to concrete knowledge. These methods are used, for example, when constructing such theories of natural science as the theory of Big Bang in cosmology (the modern theory of the origin and evolution of the Universe), theories in synergetics, ecology, soil science, evolutionary chemistry, supramolecular chemistry, genetics, theory of evolution of species, and others. From all the above makes it clear conclusion: methods for constructing scientific theories are relatively independent of the studied objects and define them only partially. Below we will show this in relation to two fundamental methods of theoretical knowledge: axiomatic and genetically-constructive. The article will be a comparative analysis of features and cognitive capabilities of each of these methods.

Keywords: science, scientific theory, scientific method, axiomatic method, genetically-constructive method.

Аксиоматический метод является основным методом построения различных теорий классической математики (эвклидова и неэвклидовы геометрии, арифметика натуральных чисел, математический анализ, теория множеств, теория вероятностей, теория структур и др.) и классической логики (исчисление высказываний, исчисление предикатов и др.). Первой научной теорией, построенной аксиоматическим методом, была геометрия Эвклида [12]. В чём главный смысл аксиоматического метода? В том, что между некоторыми высказываниями теории, принятыми за исходные (аксиомы теории), и всеми остальными ее высказываниями демонстрируется отношение логической выводимости всех высказываний теории из ее аксиом. Отношение формально-логической выводимости одних высказываний из других часто называется также дедукцией. Соответственно, высказывания, логически не выводимые из аксиом теории, построенной дедуктивно-аксиоматическим методом, не могут считаться принадлежащими данной теории, даже если их истинность установлена эмпирически.

Построить теорию аксиоматическим методом означает не что иное, как установить между всеми ее истинными высказываниями их логическое замыкание друг на друга. Осуществление такого «замыкания» делает такую научную теорию: а) логически доказательной системой знания; б) относительно замкнутой и самодостаточной по отношению ко всему остальному знанию; в) способной развиваться на своей собственной основе. Построение теории аксиоматическим методом означает также возможность логической редукции всего истинного содержания теории только к содержанию её аксиом.

Необходимо подчеркнуть, что понятия «дедуктивный метод» и «аксиоматический метод» не являются тождественными. Каково соотношение между ними? Оно таково: тогда как всякий аксиоматический метод является дедуктивным, отнюдь не всякий дедуктивный метод является аксиоматическим, поскольку вовсе не обязательно, чтобы посылки любого дедуктивного вывода были аксиомами, или исходными положениями теории. Очевидно, что подавляющее большинство высказываний научной теории, построенной аксиоматическим способом, является аналитическими истинами, поскольку их истинность является следствием логической выводимости из истинных аксиом теории. Главный познавательно-гносеологический смысл построения теории аксиоматическим способом состоит в том, чтобы эффективно решить проблему истинности теории в целом. Эта эффективность достигается тем, что проблема доказательства истинности всех высказываний теории минимизируется и сводится лишь к проблеме доказательства истинности её аксиом. Решение же последней проблемы может быть осуществлено разными способами:

- 1) выведение аксиом теории в качестве следствий (теорем) из другой теории, считающейся истинной;
- 2) утверждение истинности аксиом теории в силу их интуитивной очевидности, благодаря простоте их содержания;
- 3) экспериментальное подтверждение истинности аксиом при их эмпирической интерпретации;
- 4) принятие аксиом в качестве истинных утверждений условно (на основе конвенции или научного консенсуса).

Все эти способы обоснования истинности аксиом использовались и используются в реальной науке. Однако, у каждого из них, имеются как свои плюсы, так и свои минусы.

Так, при первом способе обоснования истинности аксиом теории, их истинность оказывается относительной и зависит от истинности той теории, из которой аксиомы могут быть выведены в виде следствий из более общей теории. Например, логицисты (Б. Рассел, А. Уайтхед и др.) пытались вывести аксиомы арифметики натуральных чисел в качестве теорем логики. Но тогда доказательство истинности аксиом арифметики полностью зависело от доказательства истинности соответствующей логической теории. Логицисты верили, что установление истинности логических высказываний является более простой проблемой, поскольку определяется только правильностью их логической формы и никак не зависит от их содержания. Другой пример такого же рода. Когда-то Б. Риман показал, что аксиомы эвклидовой и неэвклидовых геометрий могут быть получены в качестве следствий из более общей (римановой) геометрии. В последней кривизна пространства считается величиной переменной, а не постоянной, как в эвклидовой и разного рода неевклидовых геометриях. Но тогда истинность аксиом эвклидовой и неэвклидовых геометрий становится

условной, относительной и зависящей от истинности или неистинности общей римановой геометрии. Опасность данной ситуации вызвана тем, что более общая теория, из которой могут быть выведены аксиомы менее общей теории, может оказаться логически противоречивой. Именно это и случилось в конце XIX в., когда аксиомы арифметики натуральных чисел были выведены в качестве следствий теории множеств Г. Кантора при теоретико-множественном определении натурального числа. Однако, впоследствии в теории множеств Кантора были обнаружены логические противоречия (парадоксы множества всех множеств, наибольшего кардинального числа, множества всех нормальных подмножеств и др.). Именно по этой причине пришлось отказаться от идеи сведения арифметики к теории множеств, по крайней мере, на какое-то время.

При обосновании же истинности аксиом теории вторым способом – путём апелляции к интуитивной очевидности для разума, также возникают серьёзные проблемы. Хотя именно таким образом обосновывали в течение долгого времени, начиная с античности, истинность аксиом эвклидовой геометрии (Эвклид, Аристотель, Декарт, Кант и др.). Зачастую подобное обоснование истинности аксиом эвклидовой геометрии встречается и сегодня во многих учебниках по геометрии. Сам Эвклид положил в основу построенной им аксиоматическим способом геометрии пять следующих аксиом:

1. Отрезок прямой может быть продолжен в обе стороны сколь угодно далеко.
2. Все прямые углы равны.
3. Из точки, как из центра, может быть проведена окружность любого радиуса.
4. Две точки всегда могут быть соединены между собой прямой линией.
5. Если две прямые на плоскости пересечены третьей прямой, то они пересекутся с той стороны третьей прямой, где сумма внутренних односторонних углов, образуемых ею с этими прямыми, меньше 180° [12].

Из этих пяти аксиом Эвклидом были выведены в качестве следствий, и тем самым доказаны, более трехсот других утверждений геометрии (как планиметрии, так и стереометрии). Например, такие утверждения, что сумма углов любого треугольника равна 180° ; что площадь равнобедренного треугольника равна половине произведения основания на высоту; что диагонали в прямоугольнике равны; что два перпендикуляра к одной прямой при их продолжении никогда не пересекаются; что длина любой окружности равна $2\pi R$; что площадь любого круга равна πR^2 ; что π равно 3,14... и т.д. При этом сам Эвклид полагал, что истинность аксиом его геометрии является интуитивно очевидной для разума, хотя при этом истинность большинства из ее теорем вовсе не является таковой. Например, истинность теоремы Пифагора о соотношении гипотенузы и катетов прямоугольного треугольника отнюдь непосредственно не очевидна для разума, а потому требует доказательства путём ее логического выведения в качестве следствия из очевидно истинных и содержательно более простых аксиом геометрии.

Отметим то обстоятельство, что сами исходные утверждения теории, её аксиомы, не обязательно должны состоять только из исходных понятий и исходных объектов теории. Как правило, в аксиомы теории входят понятия, как об исходных объектах теории, так и о производных объектах. Например, в аксиомах Эвклида встречаются такие понятия и объекты как прямой угол, окружность, внутренние односторонние углы. Это – не исходные, а именно производные понятия и объекты эвклидовой геометрии. Но насколько интуитивно очевидными для разума являются аксиомы эвклидовой геометрии? В отношении первых четырех аксиом у математиков действительно никогда не возникало сомнения в их очевидной истинности для разума, благодаря исключительной простоте и ясности содержания этих аксиом. При этом их истинность очевидна именно для мышления, а вовсе не для чувств, поскольку с точки зрения последних далеко не очевидно, что отрезок любой прямой всегда может быть продолжен сколь угодно далеко, как и то, что из некоторой точки как центра можно всегда провести окружность любого радиуса. Это связано с тем, что для чувств очевидно: а) только тела конечных – достаточно небольших размеров и б) наличие материальных ограничений для любых действий в реальном пространстве. Но в отличие от первых четырех аксиом геометрии Эвклида пятый постулат всегда вызывал у математиков сомнение в его очевидной истинности для разума. И поэтому не случайно, что начиная с самого Эвклида и вплоть до открытия и принятия неевклидовых геометрий в середине XIX в., постоянно предпринимались попытки вывести этот менее очевидный постулат из

первых четырёх, то есть доказать его как теорему и таким образом перевести в ранг производных истинных высказываний евклидовой геометрии. Более того, само возникновение евклидовой геометрии имело своей первоначальной задачей доказательство необходимости пятого постулата среди других аксиом евклидовой геометрии. Путь к этому видели только один – доказательство логической противоречивости системы геометрических аксиом, в которых пятый постулат Эвклида был бы заменен его отрицанием. Для этого были предприняты шаги по замене пятого постулата Эвклида на тождественное по содержанию, но при этом более простое для мысленного восприятия высказывание. Таких эквивалентных и наиболее простых замен постулату о параллельных было предложено две: 1. Через точку на плоскости нельзя провести более одной прямой, параллельной данной прямой. 2. Через точку на плоскости можно провести только одну прямую, параллельную данной прямой. Именно в последней версии постулат о параллельных линиях позже, начиная с 18 века, войдет во все учебники по геометрии [1]. При этом под параллельными линиями понимались прямые линии, которые при их бесконечном продолжении никогда не пересекутся. Вторую формулировку пятого постулата Декарт и Кант считали столь же очевидной для разума, как и истинность четырех остальных постулатов геометрии Эвклида [6]. Но для других математиков (Лейбниц, Саккери, Ламберт, Гаусс, Лобачевский) постулат Эвклида о параллельных не казался таковым, ибо противоположное ему высказывание не являлось логически противоречивым суждением. Сомнения в истинности постулата геометрии Эвклида о параллельных линиях и привели, в конечном счёте, к созданию неевклидовых геометрий. Первопроходцами на этом пути, стали русский математик Н.И. Лобачевский и венгр Я. Бойяи, которые построили первые системы неевклидовых геометрий (так называемые параболические геометрии). В этих геометриях пятый постулат гласил, что через точку на плоскости по отношению к данной прямой можно провести более одной параллельной ей прямой. Но это говорило о том, что: а) интуитивная очевидность аксиом научной теории не должна рассматриваться в качестве критерия их истинности; б) интуитивная очевидность не является чем-то обязательным; в) интуитивная очевидность формируется в процессе обучения и является во многом результатом привычки. Более того, как убедительно показал опыт построения различных теорий, различие исходных и производных высказываний теории во многом является делом условным, относительным и конвенциональным. Например, в геометрии Эвклида в качестве пятого постулата можно принять утверждение, что сумма углов любого треугольника равна 2л. В такой системе евклидовой геометрии утверждение о том, что на плоскости через точку по отношению к данной прямой можно провести более одной прямой, параллельной данной, выводится как теорема. Одним словом, в любой дедуктивно-аксиоматической теории многие аксиомы и теоремы можно менять местами и достигать при этом каждый раз логического замыкания всех истинных высказываний теории друг на друга. Однако, в целом, при аксиоматическом способе построения теории на роли аксиом стараются выбрать наиболее простые высказывания из всех истинных высказываний теории, а содержательно более сложные высказывания вывести из них в качестве их логических следствий [1].

В отличие от математических теорий в теориях логики критерием истинности их аксиом является только их логическая форма, такая, которая при любом содержании высказываний всегда гарантирует их истинность [1; 3]. Например, такие аксиомы исчисления высказываний как $(a \cdot b) \supset a$, $a \supset (a \vee b)$, $a \vee \bar{a}$, $(a \supset b) \supset (\bar{b} \supset \bar{a})$ являются всегда истинными в силу логической формы, независимо от истинности или ложности входящих в эти аксиомы элементарных высказываний a и b . Истинность же исходных принципов и аксиом конкретно-научных естественнонаучных или социально-гуманитарных теорий обычно принимается условно, на основе конвенции и как бы отпускаясь им в кредит [3]. Впоследствии, аксиомы теории должны будут оправдать этот кредит путем логического развертывания всего содержания теории из ее аксиом, а также теоретического и практического использования теории в качестве полезного инструмента систематизации, предсказания и роста научного знания. Однако, это не означает, что процесс введения аксиом в ту или иную теорию является произвольным и никак не детерминированным. Это далеко не так.

Во-первых, кандидаты на роль аксиом той или иной теории выбираются среди уже имеющегося множества высказываний той или иной научной дисциплины, истинность многих из которых была подтверждена ранее эмпирическим путём. Например, при аксиоматическом построении евклидовой геометрии в Древней Греции, многие проверенные на практике геометрические построения были заимствованы античными математиками из арсенала геометрических знаний древних египтян. Закон всемирного тяготения, принцип инерции и прямо пропорциональная зависимость ускорения тела от величины силы, приложенной к нему, ставшие аксиомами классической механики, также были известны учёным и имели опытное подтверждение до построения механики И. Ньютона [3].

Во-вторых, самый трудный и творческий момент – выбор учёным некоторых из известных истин в качестве аксиом определённой теории, также не является абсолютно произвольным и никак не регулируемым волевым актом исследователя. Воля исследователя достаточно жестко детерминирована трудно достижимой целью: подобрать в качестве аксиом такое небольшое число истинных высказываний, из которых все остальные истинные высказывания теории следовали бы с необходимостью (логической или конструктивной). Однако ни откуда не следует, что такая задача в каждом конкретном случае имеет положительное решение. Здесь надежда только на комбинаторную работу, талант и удачу исследователя. Так, в своих воспоминаниях о поиске аксиом (основных законов) небесной механики И. Кеплер утверждал, что он перепробовал около 70 вариантов основных законов этой теории, и только после этого огромного труда удача снизошла до него [4]. Сам И. Кеплер считал, что она была дарована ему Богом, любовь к которому и вера в совершенную мудрость творца при создании природы не покидали ученого в течение всей жизни. Столь же большую благодарность к Богу за его помощь выразил также И. Ньютон, когда (о чудо!) открытые до создания механики Ньютона законы Кеплера неожиданно появились в качестве логических следствий аксиом его механики [13]. Такие результаты напряженных поисков и последующие неожиданные совпадения работающих независимо друг от друга учёных действительно вряд ли можно объяснить простой случайностью или чистой удачей. Более вероятно предположить наличие некоторой объективной логики развития научного знания, которая необходимым образом включает в себя не только удачные, но и неудачные поиски и попытки. Правда, об этих неудачах, ни учёные, ни стандартная история науки не очень любят говорить, видимо считая это обычными и неизбежными издержками любой творческой деятельности, в том числе и научной.

В-третьих, для полного доказательства того, что некоторые положения теории, выдвинутые в качестве её аксиом, являются действительно необходимым и достаточным основанием некоторой теории, претендующей на дедуктивно-аксиоматический и логический характер, требуется (как об этом убедительно свидетельствует история науки) значительное время и усилия многих поколений учёных, работающих в соответствующей области науки. И наиболее яркие свидетельства, доказывающие справедливость данного утверждения, даёт, прежде всего, история математики, где эта проблема и ставится и решается наиболее строго по сравнению с остальными областями научного знания. Рассмотрим в этой связи примеры с евклидовой геометрией, арифметикой натуральных чисел и теорией вероятности, самыми простыми, и вместе с тем, самыми основополагающими теориями всей математики. Начнём с евклидовой геометрии. После построения евклидовой геометрии аксиоматическим методом, среди математиков долгое время, почти до конца XIX в., царило убеждение, что она является строго (логически) доказательной системой, что её основу составляет пять известных аксиом, что эти аксиомы образуют необходимую и достаточную основу логического выведения из них всех остальных истинных высказываний этой теории. Эта теория на протяжении 20 веков считалась парадигмальной для построения теорий во всех других областях науки. Как известно, И. Ньютон сознательно исходил из такой установки при построении своей теории механического движения, а Б. Спиноза даже при построении этической теории. Даже тогда, когда в 30-е годы XIX в. были построены системы неевклидовых геометрий, убеждение в необходимости и достаточности (полноты) системы аксиом евклидовой геометрии не было не только поколеблено, но скорее даже укрепилось. Так из этой веры вытекало убеждение в том, что и система аксиом геометрии Лобачевского, также состоящая из пяти аксиом, хотя и

является альтернативной геометрии Эвклида, однако, также является для неевклидовой геометрии необходимой и достаточной основой доказательства всех её теорем. Однако, строгое доказательство того, что система аксиом Эвклида являлась заведомо неполной, даже если принять во внимание соответствующие оговорки осуществил впервые только Д. Гильберт в конце XIX в. [1]

Он показал, что при доказательстве многих теорем геометрии Эвклида неявно (так сказать «контрабандой») используются положения, которые не являются заявленными аксиомами, как и не вытекают из последних в качестве их следствий. А это противоречит самой идее чисто аксиоматического метода построения научной теории. Так, в евклидовой геометрии аксиоматически не было задано содержание таких ее геометрических понятий как «принадлежать», «находиться на», «пересекаться», «быть непрерывными», которые, тем не менее, постоянно использовались при описании геометрических объектов и доказательстве соответствующих утверждений. И главной причиной этого было то, что эвклидова геометрия была содержательной системой знания, а всякая содержательная система неминуемо опирается на интуицию, на некий пласт неявного, лишь подразумеваемого знания, а это в корне противоречит самой идее строго доказательного знания. Во многом такое положение дел было обусловлено тем, что сама геометрия понималась как наука о реальном, то есть видимом пространстве. При доказательстве многих геометрических положений использовались (якобы только для наглядности) чертежи. Но вместе с ними неизбежно вводился неопределённый и не фиксируемый пласт неявного знания. Например, при построении с помощью чертежей прямых линий и плоскостей как бы само собой подразумевалось такое их свойство как непрерывность. Но вообще-то ничто не мешает нам представлять линии или плоскости как прерывистые или имеющие дырки. Более того, видимо для таких объектов с определенной повторяемостью или фиксированной структурой дырок может быть построена своя геометрия. Отсюда Гильберт сделал глубокий и решительный для математики вывод. Он состоял в следующем: аксиоматическое построение любой теории возможно только при условии полного отвлечения от содержания её понятий и их жесткой связью с какой-либо конкретной областью их значений. А чтобы достичь этого, существует только один путь: формализация имеющейся содержательной теории, отображение её высказываний на некоторый формальный (символический) язык, одним словом – построение для содержательной теории её формализованной модели. Конечно, в формализованной теории также имеется определённое содержание, но это содержание ограничено только распознаванием символов и строчек символов, способностью их различения и отождествления, а также умением отличать правильно построенные строчки символов как разрешенных в данной формальной системе конструкций от неправильных, незаконных строчек символов. При таком подходе полностью исключается использование конкретной содержательной интуиции при употреблении тех или иных понятий теории, ибо понятия превращаются или отображаются в символы, которые требуют для своей фиксации в качестве объектов лишь их чувственное восприятие. Осуществив формализацию содержательной (но не логичной) части традиционной эвклидовой геометрии Гильберт показал и доказал, что дедуктивно-аксиоматическое логически доказательное построение этой теории требует введения как минимум 20 аксиом, а отнюдь не 5 или даже 14, как думали все геометры до Гильберта. Мы не будем приводить полностью всю систему аксиом эвклидовой геометрии в исполнении Д. Гильберта. Отметим лишь только, что Гильберт ввёл пять групп аксиом. В каждой из групп аксиомы описывают вполне определённые геометрические свойства и отношения между объектами. Так, первая группа из 8 аксиом это аксиомы «принадлежности», вторая группа из 4 аксиом – аксиомы «порядка», третья группа из 5 аксиом описывает отношение «равенства», «конгруэнтности», четвёртая группа состоит только из 1 аксиомы – аксиомы о параллельности, и, наконец, пятая группа из 2 аксиом определяет отношение «непрерывности»[1]. Оценивая построенную им систему эвклидовой геометрии, Д. Гильберт подчёркивал, что и она в строгом смысле не является чисто аксиоматической, поскольку в ней отсутствует в явном виде описание правил логического вывода. А ведь только согласно им и можно осуществлять переход от аксиом к теоремам, от одних теорем к другим как их следствиям и т.д. Чтобы построить эвклидову геометрию как полностью аксиоматическую систему, необходимо было формализовать не

только геометрическую, но и логическую часть геометрии Эвклида.

Позднее, уже в XX веке, аксиоматическим способом были построены не только геометрия, но также арифметика и многие другие математические теории. Но это давалось с большим трудом. Так, только в 30-х гг. XX в. удалось построить дедуктивно-аксиоматическим способом такую математическую дисциплину как теория вероятностей – основу математической статистики и всех статистических конкретно-научных теорий от термодинамики до квантовой механики, биологии, генетики, лингвистики, социологии и других научных теорий, пришедших в XX в. на смену классическим детерминистским теориям. Большую подготовительную работу для осуществления решающего шага в аксиоматическом построении теории вероятностей осуществили Дж. Гиббс, Г. Рейхенбах, Э. Борель, М. Смолуховский, русский и советский математик С.Н. Бернштейн. Но только выдающемуся отечественному математику А.Н. Колмогорову удалось завершить их работу и поставить в 30-х годах победную точку в решении этой проблемы [2]. Но главным основанием здесь явилось формально-аксиоматическое определение вероятности как некоторой специфической математической функции, свойства которой задаются небольшим списком аксиом. С помощью этих аксиом давалось лишь неявное определение вероятности, благодаря чему она отделялась от ее возможных интерпретаций, обусловленных разными сферами ее применения [2]. При формально-аксиоматическом построении теории вероятностей понятие вероятности не определяется в ней явным образом. Точно также как не определялись явным образом и понятия «точки», «прямой» и «плоскости» в формально-аксиоматической системе эвклидовой геометрии Д. Гильберта. С точки зрения применения аксиоматической теории вероятностей под «вероятностью» можно и должно понимать любое отношение, свойства которого отвечают аксиомам исчисления вероятности. И, как было показано впоследствии, под вероятностью можно понимать не только относительную частоту некоторых событий по отношению к другому классу событий, но и «степень объективной возможности» некоторого свойства при определенных условиях, и «степень подтверждения» одного высказывания (гипотезы) другими высказываниями (данными), и «степень уверенности» субъекта в истинность некоторой гипотезы или в наступление некоторого события. Благодаря аксиоматическому определению вероятности удалось примирить альтернативные концепции вероятности и показать, что они не исключают, а дополняют друг друга, будучи одинаково законными интерпретациями и способами применения аксиоматического определения вероятности [10]. Таким образом, при аксиоматическом построении теории появляется возможность не противопоставлять, а примирять различное истолкование тех или иных понятий и категорий науки. Стремление научного познания не только к анализу, но и к синтезу явилось одной из важных гносеологических функций теорий, построенных аксиоматическим методом.

То, что аксиоматический способ построения научных теорий используется в основном в математике, имеет свою гносеологическую причину. Такой причиной является, на наш взгляд то, что математическое и логическое знание является имманентным продуктом мышления, артефактическим продуктом его конструктивной деятельности. А потому основная часть математического знания имеет характер аналитических истин, за исключением лишь относительно небольшого числа высказываний, выступающих в роли аксиом математических теорий. Однако в истории науки было предпринято немало попыток построения аксиоматическим способом не только теорий математики логики, но и теорий естественных наук. И, прежде всего, это классическая механика И. Ньютона, который сознательно строил ее по образцу геометрии Эвклида. И в целом Ньютону это удалось. Но этого нельзя сказать в отношении других, содержательно более богатых и более сложных физических теориях (гидродинамика, термодинамика, теория колебаний, сопротивление материалов, аэродинамика, электродинамика и др.). Хотя эти теории и опираются на основные положения и законы механики Ньютона, они все же не могли быть выведены из нее чисто логически. Дело в том, что они всегда вводили в свои теории новое дополнительное содержание, которое отсутствовало в основных понятиях механики Ньютона (в частности, поверхностное натяжение, упругая сила, квазиупругая сила, равновесие, волна, подъемная сила, напряжение, электрический заряд, магнитное поле, смещение тока и др.). Для построения этих физических теорий аксиоматический метод оказался явно непригодным, и требовалось найти другой метод. И таким методом, как

убедительно показал в своих работах В.С. Степин, стал генетически-конструктивный метод [14].

Генетически-конструктивный метод. Главное отличие этого метода от аксиоматического метода состоит в том, что он является не аналитическим, а синтетическим. Он является таковым благодаря тому, что применяется к описанию такого множества теоретических объектов, в котором соотношение между его исходными и производными объектами не является аддитивным или чисто логическим. Производные (более сложные по содержанию) объекты физической теории не являются аддитивной (арифметической) суммой более простых, исходных идеальных объектов, что имело место при построении теорий аксиоматическим методом в математике. В естественнонаучных теориях, где их производные объекты, хотя и строятся из исходных объектов, однако в их содержание всегда входит нечто такое, чего не было в исходных объектах теории. Например, математический маятник как производный объект механики не сводится к аддитивной сумме составляющих его более простых объектов: прямой линии (жесткого стержня) и материальной точки определённой массы (груза, подвешенного на конце жесткого стержня) и их взаимодействию в соответствии с законами механики Ньютона. Неаддитивность конструкта «математический маятник» обусловлена тем, что в нем к таким исходным понятиям механики как материальная точка, инерциальное движение и сила внешним образом добавляются новые свойства, явным образом не содержащиеся в исходных объектах механики Ньютона. Это такие свойства как упругая сила и колебательное движение с его частотой и амплитудой. Теоретическую связку «исходные идеальные объекты теории + законы, описывающие их поведение», часто называют «теоретической схемой» [14; 7]. Так вот оказывается, что теоретическая схема математического маятника не только не тождественна, но и не является правильной частью теоретической схемы механики Ньютона в её исходном виде. А потому законы поведения математического маятника не могут быть чисто логически (дедуктивно) выведены из законов механики Ньютона. Выведены – не могут, но сконструированы мышлением на основе законов механики Ньютона – могут. Но для того, чтобы новая мысленная конструкция была надёжной и твёрдо опиралась на фундамент исходной конструкции необходимо выполнение одного непременно важного условия: добавляемое к исходной мысленной конструкции содержание не должно быть слишком большим или расплывчатым. Оно должно быть небольшим и определённым, чтобы быть полностью обозреваемым и контролируемым мышлением и его способностью созерцать (интеллектуальная интуиция). Вот почему интеллектуальная интуиция (или умозрение, как называл её Аристотель) является совершенно необходимым и важным средством теоретического научного познания. Конечно, обращение к интеллектуальной интуиции неизбежно вводит определённую долю субъективности в процесс теоретического познания, но это – неизбежная плата за построение содержательно достаточных богатых теоретических моделей реальности. Можно сказать и по-другому: интеллектуальная интуиция – неизбежный спутник построения научной теории генетически-конструктивным методом. Ещё одним следствием построения теории генетически-конструктивным методом является то, что структура теории приобретает многоуровневый характер, между слоями которого отсутствует отношение чисто логической зависимости (выводимости) одного слоя из другого, хотя содержательная зависимость более высоких слоёв теории (его производных схем) от ее иерархически низких слоев и, в конечном счёте, исходных – налицо. Вот почему классическая механика в целом, фундаментом которой, безусловно, является теория Ньютона, но которая включает в себя большой спектр других теорий, таких как гидродинамика, термодинамика, аэродинамика и др., представляет по своей структуре в целом некую достаточно широкую и слоистую (многоуровневую) систему знания. Разумеется, в пределах (внутри) каждого слоя (уровня) теории между его высказываниями существует чисто логические взаимосвязи и отношение выводимости одних из других [8; 9]. Но этот «внутри – слойный» логический «пробег», как правило, достаточно короткий и основан на использовании лишь простейших элементарных, но вместе с тем, и фундаментальных правил вывода. Это или правило дедукции или правило подстановки вместо переменных их конкретных значений.

В чём сила, и в чём слабость генетически-конструктивного метода построения научных теорий по сравнению с дедуктивно-аксиоматическим методом? И какой в каждом из них

имеется способ компенсации своей ограниченности? Сила генетически-конструктивного метода состоит в его способности описывать достаточно сложные и богатые с точки зрения их содержания системы идеальных объектов, включая их эволюцию (например, в термодинамике, синергетике, теории большого взрыва, в теории эволюции видов, в теории химической эволюции, эволюции общества, языка и др.). Дедуктивно-аксиоматический метод построения теории применим лишь при описании содержательно бедных идеальных объектов, типа логических законов или математических структур (только возможных количественных отношений объектов). Как показал К. Гедель, самое слабое место аксиоматического метода – его неполнота при моделировании и описании свойств и отношений любых объектов (даже таких совсем простых как натуральные числа). С его помощью можно создавать теории тогда и только тогда, когда имеет место полное «логическое замыкание» всех (или подавляющего большинства) высказываний теории друг на друга и тем самым появляется возможность сведения их истинности только к небольшому числу ее исходных положений - аксиом. Поскольку правила логики являются общезначимыми или intersубъективными, постольку и построенные с их помощью теории также обладают свойствами intersубъективности. Теории же, построенные генетически-конструктивным методом, в существенной степени опираются на интеллектуальную интуицию как форму контроля и удостоверения синтетической связи между исходной и производной теоретической схемой и, таким образом, не являются логически доказательными системами. Аксиоматический метод построения теорий вынужден компенсировать свою ограниченность в плане полноты описания объектов введением принципа плюрализма и легитимизации множества альтернативных моделей описания одного и того же объекта. Генетически-конструктивный метод построения научных теорий также имеет определенные недостатки и ограничения. Он способен описывать достаточно полно сложные по своему содержанию теоретические объекты. Но вынужден при этом заплатить за это достаточно высокую гносеологическую цену, а именно введение в научное познание в качестве особой познавательной способности интеллектуальной интуиции, а также ее последующей легитимации в качестве важнейшей формы контроля за правильностью процесса разворачивания содержания научной теории. Однако, ясно, что интуиция является более субъективной и, соответственно, менее общезначимой формой доказательности научного знания, чем логический вывод. Кроме того, генетически-конструктивный метод построения теории вынужден также обращаться к таким дополнительным и внешним для теории средствам ее оправдания как эмпирическое (индуктивное) обоснование теории и возможность ее эффективного применения на практике [5; 6; 15].

Существуют два основных метода построения научных теорий как логически доказательных систем высказываний о некотором множестве идеальных теоретических объектов: аксиоматический метод и генетически-конструктивный метод. Первый применяется в основном при построении математических и логических теорий; второй – при построении теорий в естествознании и, прежде всего, в теоретической физике. Каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны. Сильными сторонами аксиоматического метода являются логическая доказательность научных теорий, построенных с помощью этого метода, и, как следствие, их intersубъективность (общезначимость). Его слабыми сторонами являются чрезвычайная абстрактность построенных с помощью этого метода теорий и неполнота описания их объектов, требующая в качестве следствия в принципе неограниченного множества дополняющих друг друга теорий об исследуемых объектах. Сильной стороной генетически-конструктивного метода является возможность описания с его помощью теоретических объектов достаточно богатого (конкретного) содержания. Его слабой стороной является необходимость использования в процессе построения научных теорий интеллектуальной интуиции как формы контроля разворачивания содержания теории от простых в своем содержании ее исходных объектов теории к более сложным производным объектам теории. Гносеологическим следствием применения генетически-конструктивного метода построения научных теорий является необходимость его дополнения менее строгими методами: индуктивным эмпирическим обоснованием научных теорий и обоснованием их полезности для применения на практике.

Примечания:

1. Гильберт Д. Основания геометрии. М.-Л., 1948.
2. Колмогоров А.Н. Основные понятия теории вероятности. 2-е изд. М., 1974.
3. Лебедев С.А. Методы научного познания. М.: Альфа-М. 2014. 272 с.
4. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие. М.: Юрайт. 2011. 288 с.
5. Лебедев С.А. Современная наука: социальность и инновационность // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. №1. С. 36-45.
6. Лебедев С.А. История философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. №1. С. 5-66.
7. Лебедев С.А. Структура науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2010. №3. С. 26-50.
8. Лебедев С.А. Структура научного знания // Философские науки. 2005. №10. С. 83-100.
9. Лебедев С.А. Структура научного знания // Философские науки. 2005. №11. С. 124-135.
10. Лебедев С.А. Философия естественных наук [Лебедев С.А. и др.]; под общ. ред. С.А. Лебедева. М.: Академический проект. 2006. 560 с.
11. Лидсей Дж. Рождение Вселенной. М., 2005.
12. Начала Эвклида. Пер. с греч. Д.Д. Мордухай-Болтовского. Книги I-VI. М.-Л., 1948.
13. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М., 1989.
14. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
15. Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // European Journal of Philosophical Research. 2014. № 1(1). p. 65-72.
16. Lebedev S.A., Lebedev K.S. The principles of scientific theories // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2015. Т.3. №1. p. 22-33.

References:

1. Gil'bert D. Osnovaniya geometrii. M.-L., 1948.
2. Kolmogorov A.N. Osnovnye ponjatija teorii veroyatnosti. 2-e izd. M., 1974.
3. Lebedev S.A. Metody nauchnogo poznanija. M.: Al'fa-M. 2014. 272 s.
4. Lebedev S.A. Filosofija nauki. Uchebnoe posobie. M.: Jurajt. 2011. 288 s.
5. Lebedev S.A. Sovremennaja nauka: social'nost' i innovacionnost' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7: Filosofija. 2011. №1. S. 36-45.
6. Lebedev S.A. Istorija filosofii nauki // Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah. 2009. №1. S. 5-66.
7. Lebedev S.A. Struktura nauki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7: Filosofija. 2010. №3. S. 26-50.
8. Lebedev S.A. Struktura nauchnogo znaniya // Filosofskie nauki. 2005. №10. S. 83-100.
9. Lebedev S.A. Struktura nauchnogo znaniya // Filosofskie nauki. 2005. №11. S. 124-135.
10. Lebedev S.A. (sost.). Filosofija estestvennyh nauk [Lebedev S.A. i dr.]; pod obshh. red. S.A. Lebedeva. M.: Akademicheskij proekt. 2006. 560 s.
11. Lidsej Dzh. Rozhdenie Vselennoj. M., 2005.
12. Nachala Jevklida. Per. s grech. D.D. Morduhaj-Boltovskogo. Knigi I-VI. M.-L., 1948.
13. N'juton I. Matematicheskie nachala natural'noj filosofii. M., 1989.
14. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. M., 2000.
15. Lebedev S.A. Methodology of science and scientific knowledge levels // European Journal of Philosophical Research. 2014. № 1(1). p. 65-72.
16. Lebedev S.A., Lebedev K.S. Printsipu nauchnuh teorii // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2015. Т.3. №1. p. 22-33.

УДК 1

Аксиоматический и генетически-конструктивный методы теоретического познания: сравнительный анализ

Сергей Александрович Лебедев

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: saleb@rambler.ru

Аннотация. Не только в разных науках, но и в одной и той же используются разные методы построения ее теорий. Частично это связано с предметом науки, но во многом также и приверженностью ученого к определенной исследовательской традиции. Например, при построении теорий в математике и логике используют три разных метода: аксиоматический, метод формализации и метод математической индукции. В естественных науках при построении теорий используются также разные, но уже другие, чем в математике методы. Это: генетически-конструктивный метод, математическая гипотеза, мысленный эксперимент, метод принципов и др. В социально-гуманитарных науках при построении теорий используются такие методы как метод рациональной реконструкции объекта (единство логического и исторического), метод математического моделирования, диалектический метод. При этом не существует какой-то жесткой привязки различных методов построения научных теорий к соответствующим областям науки (математике, естествознанию, социально-гуманитарным наукам, техническим наукам). Одни и те же методы могут применяться в разных областях науки. Например, метод математического моделирования и мысленного эксперимента сначала использовался при построении только физических теорий (классическая механика, молекулярно-кинетическая теория газов, теория относительности и др.). Сегодня же эти методы успешно применяются при построении теорий и в социально-гуманитарных науках (психология, экономика, социология, логика, лингвистика и др.). С другой стороны, в современных естественных науках при построении теорий всё чаще используются методы, которые раньше применялись только в социально-гуманитарных науках. Это такие методы как метод рациональной реконструкции развивающихся объектов, метод восхождения от абстрактного знания к конкретному знанию и др. Эти методы применяются например при построении таких теорий естествознания как теория «Большого Взрыва» в космологии (современная теория происхождения и эволюции Вселенной), теорий в синергетике, экологии, почвоведении, эволюционной химии, супрамолекулярной химии, генетике, теории эволюции биологических видов и др. Из всего выше сказанного однозначно следует вывод: методы построения научных теорий относительно независимы от исследуемых объектов и определяются ими лишь частично. Ниже мы покажем это в отношении двух фундаментальных методов теоретического познания: аксиоматического и генетически-конструктивного. В статье будет осуществлен сравнительный анализ особенностей и познавательных возможностей каждого из данных методов.

Ключевые слова: наука, научная теория, научный метод, аксиоматический метод, генетически-конструктивный метод.

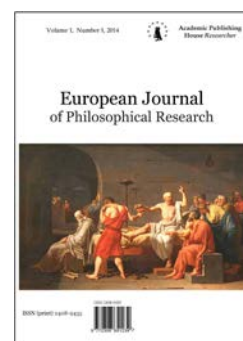
Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 4, Is. 2, pp. 83-89, 2015

DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.83

www.ejournal17.com

UDC [130.2+004.5] : 008.2

Homo Matrix: to Audit the Problems of Culture Subjectivity of Information Society

¹Dmitry E. Muza

²Ekaterina B. Ilyanovich

¹Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Russian Federation
Doctor of Philosophy, Professor

E-mail: dmuza@mail.ru

²Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Russian Federation
PhD in Philosophy, Associate Professor

E-mail: mknovik@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of culture subjectivity of information society, which arose as a result of transformations of functional-subject onto-structure of industrial-type of society and its replacement of information processes stochastics, that substantiate new sociality and culture.

According to the hypothesis of the authors, information modus vivendi creates a narrow corridor of anthropological features, including through inadequate procedures of cultural coding, but opens the wide corridor of anthropological mutation.

In particular, firstly this conclusion is based on a critical understanding of the current position of the theorists of the information trend – Jean Baudrillard, M. Castells, A. Bard, J. Zoderkvist, K.V. Silchënok, R. Florida, G. Lanir; secondly – on the postmodernists presentation of the renouncing-tree hierarchical structure underlying the former cultural theory and practice, and its replacement by «a thousand plateaus» (G. Deleuze and Felix Guattari), «garden of forking paths» (J.L. Borges) or «Labyrinth» (Umberto Eco).

Following the image of «nothing cyborg superman», the authors show that before our contemporaries arose double idyll, which carries the: a) beyond constructiveness information flows and media forms principle, which is much more ambitiously than the previous semiotic-semantic means activates the potential of human nature; b) the principle of emergence, i.e., the collective consciousness, the noosphere, or singularity, generated by the World Wide Web users.

Not sharing these illusions addressed to homo Matrix, and all firmly established in the public mind, the authors expressed relevant counterarguments: 1) because the value of the property has «a limited variety» (A.D. Ursul), then the task of the subject of culture (and the culture itself) is full participation in limiting excessive, destructive and information-noise diversity; Cherished singularity implies physical destruction of people (the annihilation of mankind, although involves uploading their consciousness's in Matrix; 3) are homo Matrix will have to enjoy the «eternal present», which mix all cultural codes, sometimes dreaming of new super reality, where there is a one code, which generates post humanist cultural (?) holism without soul and body, high and low, moral choice between good and evil, between values and anti-values.

That prospect seems unacceptable to reviewers.

Keywords: culture of information society, the subject of culture, culture codes of information society.

Тенденции развития информационного общества, как в глобальном измерении, так и в его российском сегменте, с неумолимостью ставят проблему субъектности культурогенеза, которая пока отрефлексирована и оценена, главным образом, в крайних формах: либо как исключительно продуктивная (ибо именно «креативному классу» приписаны культур- и социо-созидательные функции), либо как деструктивная (поскольку *neto*-кратия игнорирует функцию демократизации социальных процессов и редуцирует культуру к модусу потребления, к несобственному бытию). Следовательно, горизонты и формы развертывания культуры поставлены в зависимость от актуального состояния субъекта, равно как и тех ценностных и праксеологических установок, которые атрибутивны его бытию. Но последние все чаще замыкаются на «вечное настоящее» (Ж. Бодрийяр), обслуживая размещенные в его интерьере и пульсирующие интересы и потребности.

Чтобы проиллюстрировать важность обсуждаемой проблемы, укажем, что в отечественной (А. Буровский, В. Буряк, Д. Иванов, П. Киричек, В. Кутырев, Б. Г. Почепцов, Л. Скворцов, В. Шаповалов и др.) и зарубежной (Дж.П. Барлоу, Ж. Бодрийяр, Дж. Зерзан, М. Кастельс, Г. Кардозо, Дж. Ланир, Р. Флорида, М. Хорост, Т.Х. Эриксен и др.) литературе ей уже уделено определенное внимание. В частности, под такими углами зрения как: полнота практик человека из галактики *Internet*; условная эффективность серф-технологий при обработке огромных массивов информации; конвертирования информации в социально значимые решения; целостности и вменяемости самого субъекта.

Наш ракурс исследования, уже имеющий определенную квоту [1], определяется намерением показать положение субъекта информационной культуры и социальности с учетом не столько распредедмечивающе-опредмечивающих практик (предметности материального плана культуры), сколько с процедурами раскодирования-и-кодирования (предметности имматериального плана культуры). Причем, в рассмотрение мы намеренно вводим понятие *homo Matrix*, дабы сделать ударение на искусственности всей этой субъектности, а значит ходульности культуры информационного общества.

Но этот посыл лишь отчасти когерентен художественному обобщению братьев Вачовски и его последующей рефлексии западными интеллектуалами [2]. Хотя, нужно признать, они предъявили целый ряд важных аргументов. В частности, любопытны такие характеристики матрицы и её обитателей: 1) «матрица» не может быть определена или объяснена (диалог Морфеуса и Нео); 2) жизнь в «матрице», если верить Сайферу, – это жизнь ради удовольствия, или гедонизм, в противовес борьбе и невзгодам в реальном мире; 3) само удовольствие есть ничто иное, как электронная симуляция, иллюзия реальных действий и событий; 4) население матрицы – это люди и «разумные программы», при том, что люди – это вирусы, недостойные жизни (агент Смит), а её настоящие обитатели – это «мозги в банке», к которым с определенной периодичностью поступают электрические импульсы.

Тем не менее, попробуем подойти к проблеме с другой, а именно, культурологической стороны. В качестве методологической преамбулы для дальнейших рассуждений напрашивается следующее соображение: «Несмотря на её очевидные дефекты, идея «информационного общества» остается популярной потому, что она – современная утопия, заменившая собой традиционные прожекты лучшего общества. Новая утопия повторяет общую схему либеральной идеи «открытого общества»: от дымного, смрадного, конфликтного индустриального – к светлому, чистому, гуманному» [3, с. 85]. Но эта мечта о принципиально новом информационном социо- и антропогенезе на наших глазах превратилась в тотальную симуляцию почти всего. Здесь имеется в виду радикальная постановка вопроса, осуществленная Ж. Бодрийяром.

Свой общий вывод – мы живем в мире, в котором все больше информации и все меньше смысла, – он сделал на основе анализа трех гипотез о функциональной роли информации: 1) *информация производит смысл*, хотя ей не всегда удается компенсировать случайную потерю значения во всех сферах; 2) *информация не имеет ничего общего со значением*, поскольку представляет собой сугубо инструментальную вещь (технический

медиум); 3) *информация разрушает или нейтрализует смысл и значение* (средства массовой информации) [4, с. 117–118] (курсив наш. – Д.М., Е.И.)

Тем не менее, этот посыл нуждается в разъяснении с позиции теории языков и кодов культуры.

Мы полагаем, что разворачивающаяся информационная революция генерирует новый мета-язык культуры, имеющий, в свою очередь, специальные системы кодирования. Но, поскольку система развивается без какой-либо общей логики, коды современной культуры не обеспечивают процесс полноценного преобразования значений (несомых информационными потоками) в смыслы. Это может быть объяснено тенденцией отбрасывания мета-нарративов, связывающих информационные сообщения в единый гипер-текст. Разумеется, за счет всеохватной и далекодействующей силы аксиоматических мифо-образов, в т.ч. получивших инобытие в рациональных конструкциях модерна. Результат – отказ от древовидно-иерархической структуры, лежащей в основе прежних теории и практики и замена её «тысячей плато» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «садом расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес) или «лабиринтом» (У. Эко).

В этой ризоматической конструкции иные принципы соединения, нежели в древовидных структурах модерна: «любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой точке» [5, с. 12]. Последнее означает, что она а-центрирована, не иерархична, и кроме того, она – незначающая система без генеалогии (=памяти). Ризома складывается из плато, или непрерывных, самих по себе вибрирующих «регионов интенсивности», которые не предполагают «точек кульминации» или «внешней конечной цели» [там же, с. 38]. Причем, «плато» множатся, рост ризомы (поскольку он совершается во всех направлениях одновременно) едва ли контролируется индивидуальным сознанием, делая массовое сознание весьма проблематичным.

В качестве наблюдения напрашивается вывод: мир в культуре постмодерна представляет собой некоторый *mix* из желаний, пустых (ничего не означающих) знаков – симулякров, намёков, отдельных рациональных формул, семантических шумов, бреда сумасшедшего, экскрементов, гламура, подчеркнутой неоформленности и незавершенности. Но самое важное, что ризома соткана из конъюнкций: «и...и...и...» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), а значит, синтеза на уровне индивидуального и общественного сознания ожидать не приходится. Но и человек, пребывающий в ситуации «между...» (вещей, смыслов и т.д.), утрачивает свою субъектность.

Естественно, что в этой ситуации проникновение на смысловой уровень культуры – без создания соответствующего кода культуры и генерируемых ею текстов – оказывается невозможным. В частности, без расширенного воспроизводства «универсально-понятийного типа кодирования» (М.К. Петров), а значит воссоздания субъектности в её универсальной культуросозидающей ипостаси. По большому счету, речь идет о забвении пентекантеры, догмата Троицы, тривия и квадрия как основных сюжетов культурного и социального кодирования [6, с. 145–320] и создании новых весьма иллюзорных проектов.

Так, скажем, сегодня разрабатывается и затребована концепция культурного воспроизводства человека «эры Водолея», в рамках которой доказывается, что из «инсайтирующих проблесков психознергии... психосфера развилась во вполне ощутимый мегакоммуникационный общепланетарный социальный институт». Его бытие, как и бытие человеческих индивидуальностей, описывается при помощи «копирайтизации» всех актуальных опытов (!) Правда остается неопределенным вопрос о генезисе и развитии *homo aequarius*, хотя анонсирована «аквариальная психонавтика» как комплекс подготовительных и развивающих программ, нацеленных на «психоделические опыты освоения ресурсов бессознательного» [7, с. 409–421].

Отходя от этой экзотики, следует сказать о подходе Р. Флориды, развивающего идею «креативного класса», базой которого является экономика. Между тем, в него входят «великое множество работников интеллектуального труда, символических аналитиков, а также лиц свободных профессий и технических специалистов, но принципом объединения служит их реальная роль в экономике» [8, с. 85]. Производство же новых форм и моделей отливается в «разработку новых видов продукции для массового производства, продажи и потребления; изобретение теорем и стратегий универсального значения; создание выдающихся музыкальных произведений» [там же, с. 86]. Однако сам эффект «новой

мышеловки» обеспечен индивидуальностью, меритократичностью, разнообразием и открытостью. Не много – не мало, но эти пути *homo creator*-а маркированы «Большим морфом», и якобы разрешают многовековое противостояние между протестантской трудовой этикой и божественной этикой, аскетизмом и гедонизмом [там же, с. 215 и сл.].

Но самое интересное – это решение, которое предлагает Р. Флорида: инженеры-электрики изобрели коды (тайный язык), при помощи которых можно было сделать практически все: начать бизнес, заниматься искусством, играть в игры [там же, с. 235 и сл.]. Тем самым «мышеловка» превращается в универсальный код, отрывающий недюжинные культурогенетические перспективы.

На самом деле, на что нам уже приходилось обращать внимание [9], ситуация с субъектом культуры обстоит куда более драматично. Имеется в виду описанное А. Бардом и Я. Зодерквистом нетократическое общество, культивирующее мобилизм с его «воздухом свободы». Его европейская география – суть пояс городов от Лондона на северо-западе и до Милана на юго-востоке, отдаленно напоминающий Ганзейский союз.

Тем не менее, в информационном обществе, как считают эти теоретики, наиболее важным «мемом» будет «портал власти» или связующее звено всеобъемлющей сети. Вокруг него, собственно, и формируется Нетократия, как подлинный субъект политики и культуры [10, с. 58]. Причем, формируется чтобы: а) принимать политические решения не «посредством выборов, не в парламенте, не даже через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей в закрытых клубах» [там же, с. 85]; б) создавать культурную среду и поддерживать её механизмы в виде обеспечения «консьюмтариата» контролируемым набором услуг согласно простой схеме: «реклама + потребитель = желание» [10, с. 147].

Но спрашивается, если Нетократы – суть главные держатели кодов культуры, ответственные за фундирование и закрепление социально-значимых видов деятельности, в т. ч. социализацию индивида и инкультурацию им необходимых знаний и ценностей, каков же главный критерий отбора? Ответ достаточно прост: «Решающим фактором, управляющим положением индивидуума в этой иерархии, служит его или её привлекательность для сети, то есть способность адсорбировать, сортировать, оценивать и генерировать внимание к себе и ценной информации» [там же, с. 124]. Тем самым, перед нами не только секретность, но и эксклюзивность новой власти, к тому же формирующейся по иерархическому принципу. Он представлен нетократами, кураторами (вместо политиков), нексиалистами (вместо предпринимателей) и этерналистами (вместо ученых).

При анализе феномена субъекта культуры, возникает методологическая тонкость: как интерпретировать процедуру «связывания» информации Нетократами и их сообщниками, если система кодов прямо не задана, а в дискурсе новых субъектов имеет место апелляция к ценностям? Рассматривая этот вопрос по существу, необходимо обратиться к трем аргументам, которые не только дезавуируют приведенные выше «прорывные» точки зрения на культуру информационного общества, но и, якобы, фиксируют простой и всеобъемлющий код, как средоточие культурных универсалий. Подчеркнем, код, способный придавать форму, направленность и смысл человеческой деятельности в объеме, манифестирующем вершину социоприродной эволюции человечества.

На самом деле все обстоит иначе: *homo Matrix*, конституируемый экономико-сетевым гиперкластером, не отличается своей нейтральностью, как ею не отличается сама природа человека. Иначе говоря, этот кластер сегодня флуктуирует как в позитивном, так и в негативном плане, но сами эти планы не имеют общего знаменателя и критериев ценностно-культурной верификации. На повестке дня вопрос о технологиях деиндивидуализации и деперсонификации, а значит мутации и инмутации социокультурных связей, сверхпроблематичное нахождение формулы баланса структуры и функций всей социальной системы, структуры *Matrix*. При этом, в значительной степени искомый баланс отдан на откуп её обитателям, для которых дилемма «красной» и «синей» таблеток вовсе не стоит, как, впрочем, и не стоит вопрос об альтернативах «цифрового рая».

Этот пункт может быть проиллюстрирован следующим образом. В свое время М. Кастельс, рисуя культуру Интернета и субъектов этой культуры, показал, что она имеет четырехслойную структуру: 1) техномеритократов и их культуру; 2) хакеров с присущей им особой культурой; 3) виртуальную общину и их культурную жизнь, и, наконец,

4) предпринимателей и предпринимательскую культуру [11, с. 53]. При этом небезынтересна следующая его констатация: «Исторически Интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на профессорских «командных высотах» и в аспирантских «окопах», откуда соответствующие ценности, обычаи и знания проникли в культуру хакеров» [11, с. 57]. И далее ниже по иерархии...

Однако, если так ставится вопрос, то какие следствия это влечет в культурогенетическом и культурно-субъектном плане? Или же проще: способна ли такая техноцентрическая субъектность быть генератором и проводником культурных образцов, в т.ч. морально оправданных, равно как и выступать началом каузальности порождения массового субъекта «эпохи Intrenet»?

Весьма примечательно, что один из творцов «цифровой культуры» – Дж. Ланир – прямо заговорил о редукции культурного поля к файлу, облаку и т.п., о «миссионерском редукционизме» кибернетических тоталистов, и, как результат, о ритуально-фальшивых отношениях, взращиваемых на нем. Провозглашая эпоху ноосферы, олицетворяемую Кремниевой долиной и её копиями по всему миру, эти деятели «будто слышат, как алгоритмы, толпы и другие нечеловеческие существа, существующие в Сети, в сущности, говорят сами за себя» [12, с. 70]. Иначе говоря, информация – в этой культурной-информационной картине мира – имеет собственные идеи и амбиции, она одушевлена.

В конце концов, перед нами – двойная идиллия, утверждающая: а) принцип сверх конструктивности информационных потоков и медийных форм значительно более масштабно, чем прежние семиотико-смысловые средства, активизирует потенциал человеческой природы; б) принцип эмерджентности, т.е. порождаемое пользователями Всемирной паутины коллективное сознание, ноосферу или сингулярность.

Не разделяя этих иллюзий, адресованных *homo Matrix*, и все прочнее утверждающихся в массовом сознании, нам хотелось бы предложить релевантные контраргументы.

Первый состоит в следующем. Критический научный анализ теорий информации: виннеровской (информация суть содержание, получаемая от внешнего мира в ходе адаптации к нему); шенноновской (информация суть коммуникация и связь, в процессе которых устраняется неопределенность); бриллюэновской (информация суть отрицание энтропии); молевской (информация суть мера сложности структур); эшбиевской (информация суть способ и форма передачи разнообразия), показывает, что возможен иной вариант трактовки взаимосвязи информации и ценностей. В частности, в своё время А.Д. Урсул предложил такой вариант: «Однако сама ценность не есть разнообразие, а, по-видимому, свойство ограничения разнообразия» [13, с. 133], который соотносителен стратегии информационного общества и его культуре, если под ней понимать движение к обществу знаний, к демократическому участию в культурно- и социогенерирующих процессах, полноценного участия в ограничении избыточного, деструктивного и информационно-шумового разнообразия.

В свою очередь, второй контраргумент сформулировал сам Дж. Ланир, приоткрывая завесу над мейнстримом культурно-технологического тренда: «Сингулярность, однако, влечет физическую гибель людей и загрузку их сознаний, где они продолжают осознавать себя, или даже аннигиляцию человечества в тот неуловимый миг, который предшествует воцарению на Земле сверхразума. Общим у Апокалипсиса и сингулярности является то, что живых свидетелей их пришествия не останется» [12, с. 48].

Ну а пока, по-видимому, *homo Matrix* придется наслаждаться «вечным настоящим», в котором смешаны все коды, мечтая о новой суперреальности, где код один, и генерирует он постгуманистический культурный (?) холизм без души и тела, высокого и низкого, морального выбора между добром и злом, между ценностями и анти-ценностями. Словом, «киберсверхчеловеческом ничто».

Примечания:

1. Муза Д.Е. Информационное общество: притязания, возможности, проблемы / Д.Е. Муза. Днепропетровск: Адверта, 2013. 144 с.

2. «Матрица» как философия: Эссе / Пер. с англ. О. Турухиной. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 384 с. (Серия «Масскульт»).

3. Иванов Д.В. Глэм-капитализм / Д.В. Иванов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 176 с.
4. Бодріяр Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодріяр / Пер. з фр. В. Ховтун. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2004. 230 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
6. Петров М.К. Язык, знак, культура / М.К. Петров. Вступ. ст. С.С. Неретиной. Изд. 2-е стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
7. Сельченок К.В. Конструирование предстоящего. Руководство по психодизайну / К.В. Сельченок. Минск: Харвест, 2006. 624 с. – (библиотека практической психологии).
8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.
9. Муза Д.Е. Информационное общество сквозь призму власти: НЕТО-кратия или новый тоталитаризм? // Філософські дослідження. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2011. Вип. 14. С. 207–216.
10. Бард А., Зодерквист Я. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
11. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
12. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест / Дж. Ланир; пер. с англ. М. Кононенко. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 320 с.
13. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты / А.Д. Урсул. М.: Наука, 1971. 295 с.

References:

1. Muza D.E. Informatsionnoe obschestvo: prityazaniya, vozmozhnosti, problemy / D.E. Muza. Dnepropetrovsk: Adverta, 2013. 144 s.
2. «Matritsa» kak filosofiya: Esse / Per. s angl. O. Turuhinoy. Ekaterinburg: U- Faktoriya, 2005. 384 s. (Seriya «Masskult»).
3. Ivanov D.V. Glem-kapitalizm / D.V. Ivanov. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008. 176 s.
4. BodrIyar Zh. Simulyakri I simulyatsIya / Zh. BodrIyar / Per. z fr. V. Hovtun. K.: Vidavnitstvo SolomIYi Pavlichko «Osnovi», 2004. 230 s.
5. Delez Zh., Gvattari F. Tyisyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / Zh. Delez, F. Gvattari; Per. s fr. i poslesl. Ya.I. Svirskogo, nauch. red. V.Yu. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel, 2010. 895 s.
6. Petrov M.K. Yazyik, znak, kultura / M.K. Petrov. Vstup. st. S.S. Neretinoy. Izd. 2-e stereotipnoe. M.: Editorial URSS, 2004. 328 s.
7. SelchYonok K.V. Konstruirovaniye predstoyaschego. Rukovodstvo po psihodizaynu / K.V. SelchYonok. Minsk: Harvest, 2006. 624 s. – (biblioteka prakticheskoy psihologii).
8. Florida R. Kreativnyiy klass: lyudi, kotoryie menyayut budushee / R. Florida: Per. s angl. M.: Izdatelskiy dom «Klassika-XXI», 2007. 421 s.
9. Muza D.E. Informatsionnoe obschestvo skvoz prizmu vlasti: NETO-krtiya ili novyy totalitarizm? // Filofoski doslidzhennya. Lugansk: ShIdnoukraYinskiy natsIonalniy unIversitet Im. V. Dalya, 2011. Vip. 14. S. 207 – 216.
10. Bard A., Zoderkvist Ya. NETOKRATIYA. Novaya pravyaschaya elita posle kapitalizma / A. Bard, Ya. Zoderkvist. SPb.: Stokgolmskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004. 252 s.
11. Kastels M. Galaktika Internet: Razmyishleniya ob Internete, biznese i obschestve / M. Kastels; Per. s angl. A. Matveeva pod red. V. Haritonova. Ekaterinburg: U-Faktoriya (pri uchastii izd-va Gumanitarnogo un-ta), 2004. 328 s. (Seriya «Akademicheskij bestseller»).

12. Lanir Dzh. Vyi ne gadzhet. Manifest / Dzh. Lanir; per. s angl. M. Kononenko. M.: Astrel: CORPUS, 2011. 320 s.

13. Ursul A.D. Informatsiya. Metodologicheskie aspekty / A.D. Ursul. M.: Nauka, 1971. 295 s.

УДК [130.2+004.5] : 008.2

Номо matrix: к ревизии проблемы субъектности культуры информационного общества

¹ Дмитрий Евгеньевич Муза

² Екатерина Борисовна Ильянович

¹ Крымский университет культуры, искусств и туризма, Российская Федерация
Доктор философских наук, профессор
E-mail: dmuza@mail.ru

² Крымский университет культуры, искусств и туризма, Российская Федерация
Кандидат философских наук, доцент
E-mail: mknovik@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема субъектности культуры информационного общества, возникшая вследствие трансформаций функционально-предметной онто-структуры общества индустриального типа и его замены стохастикой информационных процессов, как фундирующих новые социальность и культуру.

Согласно гипотезе авторов, информационный *modus vivendi* создает узкий коридор антропологических возможностей, в т. ч. за счет неадекватных процедур культурного кодирования, но открывает широкий коридор антропологических мутаций. В частности, этот вывод, во-первых, опирается на критически осмысленные позиции теоретиков нынешнего информационного тренда – Ж. Бодрийяра, М. Кастельса, А. Барда, Я. Зодерквиста, К.В. Сильчёнка, Р. Флориды, Дж. Ланира; во-вторых, на представление постмодернистов об отказе от древовидно-иерархической структуры, лежащей в основе прежних культурных теории и практики и замена её «тысячей плато» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари), «садом расходящихся тропок» (Х.Л. Борхес) или «лабиринтом» (У. Эко).

Следуя образу «киберсверхчеловеческого ничто», авторы показывают, что перед нашими современниками возникла двойная идилия, несущая в себе: а) принцип сверхконструктивности информационных потоков и медийных форм, значительно более масштабно – чем прежние семиотико-смысловые средства, активизирует потенциал человеческой природы; б) принцип эмерджентности, т.е. порождаемое пользователями Всемирной паутины – коллективное сознание, ноосферу или сингулярность.

Не разделяя этих иллюзий, адресованных *homo Matrix* и все прочнее утверждающихся в массовом сознании, авторы высказали релевантные контраргументы, касающиеся: 1) поскольку ценность есть свойство ограничения разнообразия» (А.Д. Урсул), то задача субъекта культуры (да и самой культуры) заключается в полноценном участии в ограничении избыточного, деструктивного и информационно-шумового разнообразия; 2) возделенная сингулярность влечет физическую гибель людей (аннигиляцию человечества, хотя и предусматривает загрузку их сознаний в *Matrix*; 3) здесь *homo Matrix* придется наслаждаться «вечным настоящим», в котором смешаны все культурные коды, иногда мечтая о новой суперреальности, где присутствует один код и генерирует он постгуманистический культурный (?) холизм без души и тела, высокого и низкого, морального выбора между добром и злом, между ценностями и анти-ценностями..

Такая перспектива видится авторам неприемлемой.

Ключевые слова: культура информационного общества, субъект культуры, коды культуры информационного общества.

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.
ISSN: 2408-9435
Vol. 4, Is. 2, pp. 90-96, 2015

DOI: 10.13187/ejpr.2015.4.90

www.ejournal17.com

UDC 7.01

Immanentizm in Art

Natalya N. Rostova

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Philosophical faculty
PhD of philosophical sciences
E-mail: nnrostova@yandex.ru

Abstract

In article the philosophical and anthropological analysis of pictures of A. Lentulov and Zh.-L. Godard's movie "Farewell, the speech" is carried out. According to the author of article, work this artists are united by immanentizm philosophy. The discourse of an immanentizm excludes concept transcendental and, as a result, binary oppositions and hierarchies. It is a discourse of equality which, according to Foucault, resist to the former discourse of fascism based on the absolute of truth. A measure of authenticity and a source of creativity for it is not something on that party of a body, but a body. The author comes to a conclusion that the discourse of an immanentizm is fraught with anthropological reductions. Within his people essentially we won't distinguish from things of the world. Thus the author notices the duality of creativity of Lentulov peculiar in general to the Russian art tradition. On the one hand, the artist gravitates to the western tradition moving on the way of the immanentization of the person replacing sharp ontologic oppositions transcendental and immanetny with the sluggish oppositions of a body and an organism, elements and society, sacral and profanny finding themselves within an immanention. On the other hand, Lentulov is a researcher of sources of painting and consciousness. What costs on the line between an icon and "A black square" on which it is continuously possible to pass from subjectivity to God. In Godard's movie, on the contrary, the author sees resolute "yes" to an immanentizm of the European culture.

Keywords: A. Lentulov, Zh.-L. Godard, F.M. Dostoyevsky, body, immanentizm, person, death of God, titanizm, modern art, kinizm.

Начиная с XX века интеллектуальная и художественная мысль смещает свой интерес в сторону телесности. Обычно дискурс телесности связывается с представителями постмодернизма – М.Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Р. Барт, М. Мерло-Понти, - и возводится к Ф. Ницше, А. Арто и др. Однако поворот к телу замечен уже в «Этике» Спинозы. Спиноза пишет: «В самом деле, того, к чему способно тело, до сих пор никто еще не определил, т.е. опыт никого еще до сих пор не научил, к каким действиям тело является способным в силу одних только законов природы... у лишенных разума животных замечается многое такое, что далеко превосходит человеческую проницательность... лунатики во время сна делают весьма многое, на что они не решились в бодрствующем состоянии; а это достаточно ясно

показывает, что само тело в силу одних только законов своей природы способно ко многому, от чего приходит в изумление его душа» [1, 162].

Комментируя аналогичный пассаж Спинозы в связи с философией Ницше, Делез пишет: «Спиноза открыл перед философией и науками новый путь: мы не знаем, говорит он, даже того, что может тело; мы говорим о сознании и духе, болтаем обо всем этом, однако не знаем ни того, на что способно тело, ни того, какие силы ему присущи, ни того, что они готовят в будущем. Ницше знает, что это будущее пришло: «Мы находимся сейчас в такой фазе, когда сознание становится скромным». Призвать сознание к необходимой скромности означает принять его таким, каково оно есть, а именно как симптом, всего-навсего симптом преобразования более глубокого, чем духовное, и активности сил совершенно иного порядка, нежели духовный. «Быть может, во всяком развитии духа речь идет исключительно о теле» [2, 102].

Что значат эти слова Спинозы о неведомых возможностях тела и призыв Ницше к скромности сознания, подхваченные Делезом? Они значат, что на смену метафизическому дискурсу философии, предполагающему идею о трансцендентных основах и принципах бытия, приходит дискурс имманентизма, исключающий понятие трансцендентного и, как следствие, бинарные оппозиции и иерархии. Это дискурс равноправия и вседозволенного, которые, по выражению Фуко, противостоят прежнему дискурсу фашизма, основанному на абсолюте истины. Мерою подлинности и источником творчества для него является не нечто по ту сторону тела, но сама телесность. Сознанию Делез отведет скромное, по завету Ницше, место «симптома» тела. Мир отныне лишен онтологических разрывов. Есть, скажет, Делез силы, и совокупностью и случайным соотношением этих сил определяются тела. Не сознание, но само тело есть самость, говорит Делез вслед за Ницше. В нем заключена сила метаморфозы, то есть способность самопреобразования.

В западной традиции дискурс имманентизма заметен во всех областях культуры – в философии, теологии, живописи, повседневном сознании. Русская традиция обнаруживает тенденцию к имманентизму лишь в искусстве, причем так, что часто с ней соседствует метафизический дискурс. На Западе имманентизм в живописи представлен работами Ф. Бэкона, Э. Мунка, Э. Шиле, Х. Сутина. В России – К. Малевича, А. Лентулова, П. Филонова, Н. Гончаровой, М. Ларионова, В. Татлина, Д. Бурлюка, Б. Григорьева, М. Менькова.

Русское художественное сознание, колеблющееся между имманентизмом и обращению к трансценденциям, мы обнаруживаем в творчестве А. Лентулова. Решительное «да» имманентизму западного сознания мы слышим в высказывании Ж.-Л. Годара.

Рассмотрим работы обоих художников с точки зрения философской антропологии, исходящей из того, что человек – это не элемент популяции, каким он является для биологии, не элемент социума, каким он является для социологии, а духовное существо.

1. Лентулов: между смертью человека и поисками первоначал

Осенью 2014 года в Москве прошла выставка Аристарха Лентулова «Плоть вещей». Ключевой картиной выставки, и, рискну сказать, в целом творчества Лентулова, мне кажется «Распятие», написанное в 1910 году.

Распятие

Что мы видим на картине? В ярких, лишенных дневного света красках изображен бюст, прикрепленный к черному кресту. Тело, с расцветченными во все цвета радуги ребрами, обрублено по талию. Лицо, свободное от предметности глаз и рта, искажено в мучительной гримасе, сочетающей испуг и проклятие боли. Образ обжигает, притягивает, трогает. Боль отзывается болью. Но кто этот распятый?

Конечно, не Христос христианства. Христос христианства – не тавтология, ибо 20 век не без помощи Ницше отделил христианство от Христа, сделав возможным понимание Христа вне христианства и христианства вне Христа. Почему распятый Лентулова – не Христос христианства? В нем слишком много жизни, которая, кажется, противостоит черному кресту как христианству. Он слишком испуган в отрицании формулы смирения «да будет воля твоя». Распятый слишком человечен, чтобы быть Богом. Христос христианства – это воплотившийся Бог, пришедший в мир для спасения людей и победивший смерть на

кресте в Своем Воскресении. Или, по формуле святых отцов, Бог, ставший человеком для того, чтобы человек стал Богом. Переводя эти слова на понятийный язык, можно сказать, что Христос христианства – это парадоксальное сочетание имманентности и трансценденции в их нераздельности и неслиянности. «Распятие» Лентулова – поистине распятие, но не Богочеловека, а человека. На кресте агонизирует человек. Здесь нет места трансценденции, а событию смерти не предуготовано Воскресение. Человеческая боль замкнута на боль. Лентулов сделал из Христа человека, отделив его от христианства, подтверждением чему служит картина «Снятие с креста» 1910 года с изображением зеленоватого трупа распятого. Для Лентулова Бог умер, и обе картины – это объективация самосознания смерти Бога. Но что есть смерть Бога?

Новый титанизм

Смерть Бога – это не то же, что атеизм. Атеизм выстраивает себя в отношении к Богу. Смерть Бога – это попытка понимать человека вне живого личностного Бога. Это новый титанизм. Если титанизм эпохи Возрождения, поставивший человека на место Бога, мыслил человека, полным здоровья и деятельных сил в разумном мире, то титанизм модерна и постмодерна переосмысливает человека в его аффективности и болезненности в мире абсурда. Титанизм означает лишение человека трансцендентной перспективы. Новый титанизм отличается радикальностью в этом устремлении. Его бунтующий человек горд в своей одинокой жизни Сизифа.

Смерть Бога означает имманентизацию антропологического и, как следствие, художественного пространства. Делез, хорошо понимая последствия имманентизации, переосмыслил Достоевского в его утверждении, что если Бога нет, то все позволено. Напротив, заявляет Делез, если Бога нет, то ничего нельзя! [3, 27] Все сковано предметностью, объективировано, всему предпослан смысл. Если прежде высвобождение было обеспечено Богом, то теперь живопись ищет выход в телесности. Телесность – не то же, что организм, или, на языке Делеза, фигурация – не то же, что фигура. Всякой заданной природно и социально фигурации противостоит фигура. «Распятие» Лентулова – это игра телесности в лишенном трансценденций мире. В обрубленном теле, вывернутых ушах, оскале и буйствующей палитре красок художник использует плоть как экспериментальную площадку ее самоконфигурирования. Его картина по смыслу стоит в одном ряду с работами Мунка, Шиле, Сутина, Бэкона. В философии – наряду с дискурсами, привлекающими «третьи термины» для описания мира и человека, которые позволяют упразднить бинарные оппозиции «душа-тело», «идеальное-материальное», «трансцендентное-имманентное», «внутреннее-внешнее».

Распятие Лентулова – это художественный эквивалент терминов «машина желания», «тело без органов», «действие», «стихия», «интенсивность». Лентулов поистине пишет «плоть вещей», ибо его мир лишен различий. В нем не отличишь человека от вещи, тело – от эмоции. Это мир боли, отделенной от страдания. Подобно тому, как у Бэкона принципиально не отличаются багровые гладиолусы от дамы в красном платье и черной шляпе или от разделанной туши, Лентулов в «Распятии» делает то же движение навстречу неразличения между распятым и куском мяса.

Неразличение

Неразличение предмета и человека обнаруживает себя в «Портрете дочери с детскими рисунками», на котором Лентулов изобразил зеленоватую массу кресла и одновременно тела девочки с воткнутой в нее головой. В его «Греке» 1910 года, на котором изображен сладострастно ухмыляющийся художник с обнаженным рельефным торсом, предвидится Филонов, достигнувший точки, в которой Христос становится десимволизированной рыбой («Пир королей» 1913 года), а человек в пользу животного лишается второго плана. В жутковатой ухмылке «Грека» просвечивается лукавство коровы с картины Филонова «Коровницы», на которой сами коровницы подобны животным. На картине Лентулова «Дети с зонтами» 1912 года изображены не дети, но неандертальцы, болезненные, лишенные сознания существа, головы которых художник с легкостью заменяет шапками зонтов.

В «Женщине с гармоникой» Лентулова те же звон, боль, стон и крик, что у Шиле, Мунка или Сутина. Этот портрет, словно изнанка благообразного портрета жены 1913 года. Ломаная гармоника в руках женщины подобна гангрене, вырастающей из шеи на автопортрете Шиле 1912 года. Гармоника, словно вывернутое наружу нутро. Пустые глаза женщины будто говорят нам о том, что гармоника вобрала в себя всю ее суть, выдавив душу. Есть в человеке то, что он сам о себе не знает, но что, по словам Августина, знает только Бог. Есть в человеке то, с чем он сталкивается в предельном одиночестве – то, что поэт назвал «черным человеком». Бесконечность божественного, непостижимость человеческого у Лентулова оборачиваются мучающейся плотью.

Но нельзя искать свободы там, где ее нет. Самоконфигурирование тел – это бесконечность конечного. Попытка говорить о необъективируемом вне Бога – о крике, смерти, эмоции, – ведет к антропологической редукции. Человек становится телом. Необъективируемое – объектом. Смерть Бога оборачивается смертью человека. «Распятие» Лентулова – это движение навстречу смерти человека. Живопись боли и скрежета зубов захватывает, взрывает, отнимает почву из-под ног. Но в ней утрачено что-то самое главное, напряжения по вертикали.

Археология сознания Лентулова

Попытка художника мыслить человека вне Бога и попытка мыслить человека до Бога – не одно и то же. И то, и другое связано с распределением мира, ибо Бог имеет замысел о человеке и как источник порядка дарит всякой вещи ее место, в этом смысле организуя сущностный мир. Если понимание человека вне Бога ведет к антропологической редукции, то исследование мира до Бога является антропологической археологией. Живопись Лентулова находится в самом центре художественной аутоархеологии человека XX века.

Взгляд на мир до Бога – это попытка эстетики проникнуть в начало начал, в мир первичного хаоса. В смысле онтологии – это движение от Бога к ничто. В смысле антропологии – это движение от человека к хаосу субъективности. В смысле искусства – это путь от иконы к «Черному квадрату» Малевича. Можно сказать, что от наскальной живописи до иконы в широком смысле слова, то есть до мистериального образа, и обратно, от иконы до «Черного квадрата» располагается вся история человека – история его самособирания в иконе и его саморасщепления в ничто. Аналогично Малевичу в живописи можно говорить о Джоне Кейдже в музыке, заглянувшем в «4:33» за музыку, в молчание. В танце можно говорить о Мерсе Каннингеме, расщепляющем хореографию до перводвижений. В литературе – об обэриутах, обращающихся к дословной стихии языка. В антропологии – о Сигизмунде Кржижановском, который в рассказе «Красный снег» схватывает чистую субъективность, предшествующую сознанию. В философии аутоархеология сознания проявляется в интересе к безумию как источнику ума и бессмыслице как источнику смысла. К тому хаосмосу, который вторым шагом может обнаружить космос.

Желание художника компенсировать отсутствие искусства эпатажем не имеет никакого отношения к этим философским поискам первоначал. Как, например, не имеет никакого отношения перформанс Германа Титова «Камуфляж» к Джону Кейджу. Титов показывает нам одинокий рояль на фоне заснеженного пустынного пространства, который молча методично закрашивает в розовый цвет мужчину в пуховике. Устроители московской выставки 2012 года «Эксперименты Джона Кейджа и их контекст» усмотрели в видео Титова прозрение тишины и другие неожиданные смыслы. Однако этот незамысловатый перформанс на 15 минут, открытый бесчисленному числу интерпретаций, ибо сам по себе ни о чем не говорит, никак не связан с погружением в ту бездну эстетического хаоса, из которой рождается предметность и сюжет.

Лентулов находится в самой сердцевине этих философских попыток дойти до первооснов предметности, разложить порядок до первоэлементов, первоцветов, первоформ, перворитма, заглянуть за живопись. В этом все его разноцветные пейзажи и церковки, словно выложенные из нарезанных плоскостей. Аналогично он движется в исследовании человека. Его «Женщина в полосатом платье» производит впечатление, будто части ее тела принадлежат не одной, но разным женщинам – голова – рабочей, кисти рук – интеллектуальной художнице, откровенно обнаженные ноги – уличной девке. Так же

несуразен фон картины, сочетающий атмосферу будуара, подсобного помещения и, между прочим, украшенный Лентуловым аппликацией березы, сделанной из натуральной бересты. Распредмечивающий себя мир – это мир, утративший сущности, в котором все сдвинуто со своих мест. Это удвоение, раскраивание предметов у Лентулова видно в автопортрете со скрипкой, в котором художник отчего-то не рискнул подвергнуть и самого себя такому же лишению сущности.

Написанный в кубистической манере портрет А.С. Хохловой, пожалуй, одна из самых удачных попыток Лентулова обнаружить необъективированное, предшествующее всяким сущностям. В легкой, игривой, помещенной лишь в одой изогнутой линии актрисе, Лентулов, кажется, поймал тот самый свет, которым влюбленный любит, а художник творит. Здесь он по смыслу близок живописи Зверева, поимке той акварели состояний, которая предшествует эмоции.

Между антропологическими вертикалями и горизонталями

Художник Лентулов – это, по крайней мере, два художника. Один тяготеет к западной традиции, двигающейся по пути имманентизации человека, замещающей острые онтологические оппозиции трансцендентного и имманентного вялыми оппозициями тела и организма, стихии и социума, сакрального и профанного, обнаруживающими себя в рамках имманенции. Другой Лентулов – это исследователь истоков живописи и сознания. Тот, который стоит на линии между иконой и «Черным квадратом», по которой непрерывно можно перейти от субъективности до Бога. Путь от туши до Бога невозможен.

2. Годар: кинизм против Платона

Последний фильм Жана-Люка Годара «Прощай, речь» (2014 год) – это самое мощное художественное и интеллектуальное высказывание Европы за последнее время. Эстетика фильма завораживает. Она заставляет видеть то, что мы пробегаем глазами, осязая то, чего второпях касаемся, чувствовать то, на что подспудно всегда были способны. Эстетика Годара – это эстетика красоты и чувственности, невозможная в функциональном и асексуальном мире виртуально-технического. Но эмоциональному потоку фильма, кажется, противостоит главное послание режиссера.

Лжи социума, лжи языка, опосредованности Другим, хаосу смутных представлений Годар противопоставляет собаку. Собаку и неизменно красивый пейзаж, которые являются главными героями фильма. Собака не знает языка. Собака не скована нормами. Собака всегда живет настоящим. Она непосредственна и проста. Если мир – это рай, а человек – это ад, то собака находится вне идеи рая и ада. Она вся на поверхности. Ее движения ладны природе. Она всегда красива, потому что всегда органична. Слеп не зверь, говорит Годар. Это человек ослеплен сознанием и не способен видеть мир. Бездушно не животное. Бездушен человек. «Собака, - цитирует Годар Дарвина, цитирующего Бюффона, - единственное существо, которое любит вас больше, чем себя». Бог умер, но это не трагедия. Это не конец. Это начало новой гармонии, заверяет нас Годар.

О том, что Бог умер, Годар напоминает в диалоге мужчины и женщины. Она говорит: «Я отпускаю себя». Он ей вторит: «Да, в глубину. Я думаю, надо начинать снизу, а потом подниматься на поверхность, как Кириллов. Два вопроса: один большой, другой маленький. Но маленький тоже большой». Она уточняет: «Маленький – это что?». Он: «Страдание». Она: «А большой?». Он: «Другой мир». У Достоевского точнее. Маленькой причиной он называет не страдание, а боль. Во время этого диалога на экране мы видим акварельные краски. Ее слова «я отпускаю себя» сопровождаются кадром, в котором два человека рисуют на листе черный крест. Рука ведет линию вниз. «Другой мир» видится размокшей черной краской, которую теревит кисточка. Диалог замыкается чередой мимолетно сменяющихся кадров – люди в мантиях с крестами, толпа школьников, метро в час-пик и вдруг – золотые клены. Этот визуальный ряд кажется достаточно буквальным. Черной кляксе противостоит золото. Толпе – могучая органичная единичность. Но в нем нет главного – драматизма Кириллова, к образу которого, кажется только из интеллектуальной жадности, решил обратиться Годар.

Что значит отпустить себя, погрузить себя в глубину и подняться на поверхность, «как Кириллов»? Отпустить от чего? Кириллов отпускал себя от Бога, от «боли страха смерти».

Кто победит боль и страх, говорил он, тот сам станет Богом. Значит ли погружение, о котором говорит Годар, нисхождение в боль и смерть? Значит ли поверхность – восхождение к человекобогу? Кажется, что Годар напрасно взял инструментарий Достоевского, чтобы избавиться от Бога. Идеалу собаки, идеалу натуральности мешает фигура Бога, однако исследование Достоевского прямо противоположно тому, чего ожидает от него Годар. Смерть Бога не есть счастливое рождение природной гармонии. Достоевский на микроскопическом уровне исследует то, что становится с человеком в тот момент, когда исчезает Бог. Достоевского волнует цена освобождения, того своеволия, идеей которого болен Кириллов. Этой ценой оказывается смерть человека, исчезновение антропологического феномена. Убивая Бога, человек становится не милым псом из годаровского фильма, а зверем, кусающим, бешеным зверем, каким стал Кириллов, укусивший за мгновение до своего самоубийства не к месту пришедшегося Верховенского. Годар видит лишь мирные блестящие глаза собаки как изначальную данность и конечную цель человека. Для него не существует проблемы человека и, как следствие, человекобога, ибо он не отличает человека от животного. А потому о погружении и восхождении в смысле Достоевского говорить нельзя. Проблемой для Годара оказывается не человек и его превращения, подобные тем, что описаны в «Бесах», а животное, которому Бог мешает быть животным. Достоевский ставит проблему человека и Бога. Годар – проблему животного и Бога. Для Достоевского Бог конститутивен в отношении человека. Для Годара Бог – это банальное чувство внешней зависимости человека наподобие ошейника у собаки. Как говорит героиня фильма, Бог не сумел или не захотел сделать нас смиренными, и тогда сделал нас униженными. Бог для Годара – это тот, кто унижает человека, сковывает его. Но откуда у животного Бог? Если бы естество человека было неотлично от естества собаки, фигура Бога была бы не нужна и невозможна, ибо естество задано природой. Природа не знает одиночества, своеволия, страха и смерти. Но Годар в отличие от Достоевского не желает видеть здесь проблемы и лишь неуместно кладет его образы в интеллектуальную копилку своего фильма.

Ф. Гиренок увидит в фильме Годара желание режиссера противопоставить киническую традицию платонической, исторически победившей в Европе и истощенной в современном мире [4, 262]. В современной европейской философии действительно присутствует стремление реабилитировать киническую мысль. Петер Слотердаjk пишет «Критику цинического разума» [5]. Мишель Онфре предлагает свою «контр-историю философии». «Тирании платонических, христианских и немецких идеализмов» Онфре противопоставляет «скрытое институцией существование альтернативной, критической, радикальной, гедонистской, практикуемой, полезной и экзистенциальной философии» [6]. Годар визуализирует эту мысль современной философии. Помимо собаки, откровенного совокупления мужчины и женщины, в фильме присутствуют раблезианские моменты.

Но что значит кинизм как рецепт второй молодости Европы, похоронившей своего Бога? Киническое мировоззрение – это мировоззрение, выстроенное имманентными ориентирами, – человеческим разумом и природой. Оно не знает трансцендентных величин. Не Бог, но боги окаймляют его периферию. Это философия, редуцирующая человека к элементу мира наличного. И этой редукции придерживается Годар.

Примечания:

1. Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука, 2001. 352 с.
2. Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 382 с.
3. Делез Ж. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения. СПб.: Machina, 2011. 176 с.
4. Гиренок Ф.И. Философия фильма Годара «Прощай, речь»// Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2015. №3. С. 262-268.
5. Слотердаjk П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.
6. Онфре М. Несчастья (и величие) философии/ <http://www.censura.ru/articles/miseregrandeur.htm>

References:

1. Spinoza B. Etika. SPb.: Azbuka, 2001. 352 s.
2. Delez Zh. Nitsshe i filosofiya. M.: Ad Marginem, 2003. 382 s.
3. Delez Zh. Frensis Bekon: Logika oshchushcheniya. SPb.: Machina, 2011. 176 s.
4. Girenok F.I. Filosofiya fil'ma Godara «Proshchai, rech'»// Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU im. Lomonosova. 2015. №3. S. 262-268.
5. Sloterdaik P. Kritika tsinicheskogo razuma. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 584 s.
6. Onfre M. Neschast'ya (i velichie) filosofii/ <http://www.censura.ru/articles/miseregrandeur.htm>

УДК 7.01

Имманентизм в искусстве

Наталья Николаевна Ростова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
Философский факультет
кандидат философских наук
E-mail: nnrostova@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится философско-антропологический анализ полотен А. Лентулова и фильма Ж.-Л. Годара «Прощай, речь». По мнению автора статьи, работы эти художников объединяет философия имманентизма. Дискурс имманентизма исключает понятие трансцендентного и, как следствие, бинарные оппозиции и иерархии. Это дискурс равноправия, который, по выражению Фуко, противостоит прежнему дискурсу фашизма, основанному на абсолюте истины. Мерию подлинности и источником творчества для него является не нечто по ту сторону тела, но сама телесность. Автор приходит к выводу, что дискурс имманентизма чреват антропологическими редукциями. В рамках его человек принципиально не отличим от вещей мира наличного. При этом автор замечает двойственность творчества Лентулова, свойственную в целом русской художественной традиции. С одной стороны, художник тяготеет к западной традиции,двигающейся по пути имманентизации человека, замещающей острые онтологические оппозиции трансцендентного и имманентного вялыми оппозициями тела и организма, стихии и социума, сакрального и профанного, обнаруживающими себя в рамках имманенции. С другой стороны, Лентулов – это исследователь истоков живописи и сознания. Тот, который стоит на линии между иконой и «Черным квадратом», по которой непрерывно можно перейти от субъективности до Бога. В фильме Годара, напротив, автор видит решительное «да» имманентизму европейской культуры.

Ключевые слова: А. Лентулов, Ж.-Л. Годар, Ф.М. Достоевский, телесность, имманентизм, человек, смерть Бога, титанизм, современное искусство, кинизм.